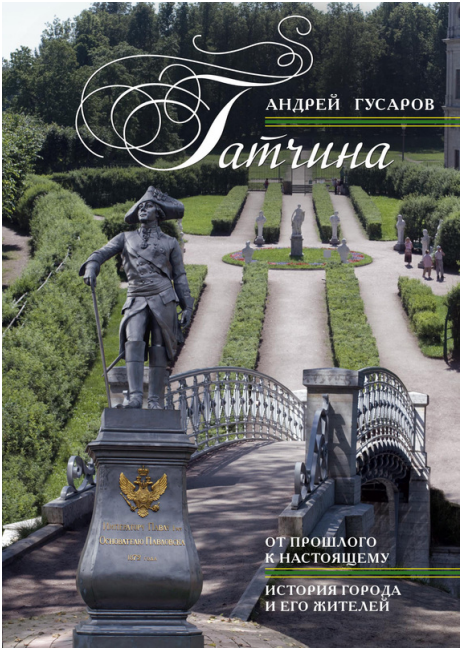

Андрей Юрьевич Гусаров
Гатчина. От прошлого к настоящему.
История города и его жителей
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945845

*Гусаров А.Ю. / Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей.:
Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03390-1*

Аннотация

Вам предстоит знакомство с историей Гатчины, самым большим на сегодня населенным пунктом Ленинградской области, ее важным культурным, спортивным и промышленным центром. Гатчина на девяносто лет моложе Северной столицы, но, с другой стороны, старше на двести лет! Эта двойственность наложила в итоге неизгладимый отпечаток на весь город, захватив в свою мистическую круговерть не только архитектуру дворцов и парков, но и истории жизни их обитателей. Неповторимый облик города все время менялся. Сколько было построено за двести лет на земле у озера Хотчино и сколько утрачено за беспокойный XX век... Город менял имена – то Троцк, то Красногвардейск, но оставался все той же Гатчиной, храня истории жизни и прекрасных дел многих поколений гатчинцев. Они основали, построили и прославили этот город, оставив его нам, потомкам, чтобы мы не только сохранили, но и приумножили его красоту.

Содержание

Введение	5
Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	53
Глава 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Андрей Гусаров

Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей

Введение

История Гатчины – крупнейшего города Ленинградской области – уходит своими корнями в далекое прошлое. И хотя официально статус города ей был пожалован только в 1796 году, первые упоминания об этом населенном пункте, лежащем в сорока пяти километрах южнее Санкт-Петербурга, относятся к началу XVI века. Получилось так, что, с одной стороны, Гатчина на 90 лет моложе Северной столицы, но, с другой – старше на двести лет. Эта двойственность наложила в итоге свой неизгладимый отпечаток на весь город, захватив в свою мистическую круговерт не только архитектуру дворцов и парков, но и истории жизни их обитателей. Об этих противоречиях писал еще в 1915 году художник и архитектор Николай Евгеньевич Лансере: «Когда она принадлежала блестящему любимцу императрицы (Г.Г. Орлову. – *Прим. авт.*) – здесь возводилась суровая, строгая, почти что „скучная“ своим однообразием архитектура! Когда же она перешла во владение цесаревичу (Павлу I. – *Прим. авт.*), связавшему жизнь формальностями, военной дисциплиной, навязавшему чуждый русским „прусский дух“, понастроившему всюду гауптвахты, казармы и заставы, – тогда постройки поражают то сочными профилями, великолепием и величием, то, наоборот, изящной отделкой, тонким вкусом и милой уютностью».

И верно, граф Григорий Орлов не успел, да и не смог бы из-за финансовых проблем закончить строительство и отделку своего загородного имения в Гатчине, и, может быть, поэтому «скучна» архитектура Большого Гатчинского дворца второй половины XVIII века. Ведь не можем мы сказать то же самое о Мраморном дворце – городской резиденции знаменитого фаворита, хотя автором обеих построек был один и тот же архитектор – Антонио Ринальди.

Павлу I Гатчина обязана своим вторым рождением, уже в статусе города, который должен был, по мнению монарха, стать образцом для всех городов Российской империи. Может быть, в этом отчасти и кроется ответ на вопрос, заданный Лансере, и лучший город должен был иметь и лучший дворцово-парковый ансамбль с утонченной изящной отделкой. Дворец, которым будут восхищаться гости великого князя, место, где не властвует формализм обычной жизни, царские чертоги, созданные на радость императору огромной страны.

На этом не заканчиваются специфические гатчинские противоречия, мистическим образом влияющие на всех, кто соприкасается с городом. После покушения террористов на императора Александра II семья нового государя Александра III бежит в этот городок, запирается в маленьких комнатках с низенькими потолками Большого Гатчинского дворца, расположенного в парке, больше напоминающем лес, где за каждым деревом сидит неусыпный страж. Этим добровольным заточением императорской семьи прославится Гатчина (в который уже раз), с одной стороны, такая безопасная и мирная, с другой – неприветливая и далекая от столицы.

После 1917 года богатейший пригородный дворец подвергся настоящему разграблению – в конце 1920-х годов новыми властями из музея в неизвестном направлении было вывезено более 100 тысяч экспонатов. Казалось, что по дворцовым залам и комнатам пронесся ураган, к 1941 году там оставалось всего 54 тысячи бесценных предметов, большинство из которых были утрачены во время Великой Отечественной войны. В послевоенное

время музейные работники провели опись уцелевшего музейного имущества и выяснили, что ко второй половине XX столетия Большой Гатчинский дворец, уже в ранге музея, пришел с 15 тысячами единиц хранения, что составляло меньше 10 % от богатств, накопленных бывшими владельцами. Сейчас музей восстанавливает утраченные интерьеры и собирает по крупицам свою коллекцию.

С Екатерининских времен шло планомерное строительство Большого Гатчинского дворца, известного ныне на весь мир. Причем помимо возведения самого великолепного дворцового здания, больше похожего на средневековый замок, мастера разбивали обширные пейзажные парки, зодчие возводили павильоны и многочисленные мостики, связывающие искусственные и природные островки местных озер в единую цепочку, обустраивались берега прудов и рек, появлялось все то, что ныне составляет особенность Гатчины, ее неповторимость и притягательность.

В отдаление от дворца на потеху царственных особ устраивается Зверинец, специальный парк для охоты – излюбленного развлечения нескольких поколений русских государей. Царская охота процветала в Гатчине все время существования монаршей власти и канула в Лету в 1917 году, оставив лишь непроходимые дебри огромных парковых территорий Зверинца и воспоминания участников этой забавы.

Волею судеб Гатчина стала летней резиденцией католического ордена Госпитальеров, который расположился в удивительно простом и неповторимом Приоратском дворце – шедевре архитектора Н.А. Львова. Яркая, но недолгая история Мальтийского ордена в России связана с маленьким городком на реке Теплой (Гатчинке).

Остров Любви со знаменитым павильоном Венеры, парк Сильвия, – всё это, словно по мановению волшебной палочки, переносится из аристократической резиденции Шантильи под Парижем, столь поразившей своими дворцами и парками наследника престола Павла Петровича во время его путешествия по Европе в 1782–1783 годах, с теми же названиями и формами.

Дворцовый парк. Белое озеро

Целое созвездие зодчих и садовников трудились над всем этим великолепием. Над строительством дворцовых построек работали архитекторы А. Ринальди, В. Бренна, А.Д. Захаров, Н.А. Львов, А.Н. Воронихин и Р.И. Кузьмин; садами и парками Гатчины занимались мастера из Британии Джон и Чарльз Сперроу, а также Джеймс Гакет; в городе строили Н.А. Львов, Д.И. Квадри, С.С. Кричинский, Л.М. Харламов и другие.

С самого начала город Гатчина строился вокруг дворцово-паркового ансамбля, и по замыслу отца-основателя – великого князя Павла Петровича, должен был стать лучшим городом Российской империи, образцом для всей страны. Словно осажденная крепость, в окружении многочисленных постов стражи, шлагбаумов и запертых на замок въездных ворот возводился образцовый город, где жизнь, расписанная лично Павлом, застыла в параграфах циркуляров, уставов и регламентов. Прав был художник Лансере, когда писал, что взлетела Гатчина при сумасбродном и странном правителе Павле I на наивысшую высоту в своем развитии, но не смогла без него удержаться там и осталась в истории все той же павловской Гатчиной – городом, каким видел его только сам Павел Петрович.

Бурный XX век одарил город невиданными доселе техническими новшествами – электричеством, первой подводной лодкой, аэропланами и дирижаблями.

Первые лампочки Павла Яблочкова, разработанные этим талантливым русским военным инженером и предпринимателем в 1876 году (получил патент на изобретение), зажглись над плацем Большого Гатчинского дворца, но так и не получили распространения в самом городе – местные газеты в 1910-х годах постоянно писали о проблеме с освещением гатчинских улиц.

Серебряное озеро Дворцового парка стало свидетелем первых испытаний подлодки инженера Джевецкого, а Военное поле перед дворцом (за железной дорогой) – место военных учений и парадов – в одночасье стало известно всей России, – Гатчинский аэродром. Это случилось благодаря бесстрашным первым русским авиаторам – зачинателям новой эры воздухоплавания – Михаилу Ефимову, Александру Васильеву, Лидии Зверевой, Сергею Уточкину и многим-многим другим.

Революционный 1917-й – забастовки, хаос и первые Советы. Город помнит последнего председателя Временного правительства Российской республики А.Ф. Керенского, которого пытался здесь арестовать страшный Дыбенко.

Весь XX век Гатчина сохраняла в себе привитые Павлом черты консерватизма, ставшие ее своеобразной визитной карточкой. Город менял имена – то Троцк, то Красногвардейск, но оставался все той же Гатчиной. Проявилось это и в бурные 1990-е годы, когда улицам и площадям повсеместно возвращались исторические названия, а Гатчина осталась в советском прошлом, неестественном для имения графа Орлова и города императора Павла I. До сих пор мы ходим по улице Юного Ленинца вместо Бомбардирской, а главный проспект города, отцом-основателем которого был Павел I, носит странное для него название 25 Октября.

Все та же гатчинская двойственность...

Наше путешествие по гатчинским дворцам, паркам и улицам и знакомство с их историей хочу предварить строчками местного поэта начала XX столетия А. Мейснера:

В часы, когда светло и жарко,
И тучек зыбкие следы, —
Люблю я гатчинского парка
Зелено-желтые пруды.

Хвоя с листвой так неопратно
В ветвях деревьев сплетены.
Их неразборчивые пятна,
Дробясь, в зыбях отражены.

И там же, довершив природу,
Раскинув водорослей стан...
Как будто с лодки бросил в воду
Свою палитру Левитан.

Вдали от Невского болота
Как чуден этот уголок,
Где есть задумчивое что-то
И что-то, чуждое тревог!..

Часть первая

Гатчинский дворцово-парковый ансамбль

Глава 1

«Село Хотчино над озерком над Хотчиным...»

У Гатчины две даты рождения, одна из которых известна доподлинно – 11 ноября 1796 года, а вторая скрыта от нас в тумане веков, ведь археологические находки на территории современного города датируются XIII веком. Следовательно, уже тогда, в далекие времена Александра Невского, жизнь в этих краях уже была.

Прибалтийские и приневские земли после отступления ледника были мало заселены, и процесс возникновения новых поселений был достаточно трудным и долгим. В I веке уже новой эры в этих местах появляются племена водь и чудь, западную часть заселяют эсты, ижоры и карелы. Первые поселения наших предков-первопроходцев – ильменских словен, возникают на невских землях в VIII–X веках. Первоначально они закрепились в районе озера Ильмень и реки Волхов. Близкие к ним псковские кривичи облюбовали в начале пути на восток реку Великую. Так возникли Великий Новгород и Псков.

Трудно точно сказать, какие народы жили на территории современного Гатчинского района. Так как население было здесь очень редким, то, скорее всего, оно было смешанным – попадались как славянские деревни, так и финно-угорские, к которым и принадлежали все (кроме словен и кривичей) указанные выше народности. Местные жители занимались разведением скота и ловили рыбу, сеяли хлеб и собирали дикий мед. Ближе к Карельскому перешейку били пушнину, а на расчищенных от леса полях плавил железо из руды, добываемой в болотах.

В 750 году появляется город Ладога – к середине IX века важнейший экономический центр не только большого региона, но и всего Северо-Запада. Со временем (в конце X в.) Ладога уступила первенство Господину Великому Новгороду, ставшему на четыреста с лишним лет самым большим и богатым государством Европы. Но территория, занятая современной Гатчиной, находясь в некоторой стороне от первых русских городов и знаменитого водного пути «из варяг в греки», развивалась медленнее и сравнительно долгое время оставалась малолюдной, к тому же она страдала от набегов викингов. «Повесть временных лет» сообщает, что население Северо-Запада изгнало (862 г.) скандинавов за море, отказавшись впредь платить дань: «В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей... В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть...» Дальнейшее развитие этих земель связано с вечевой республикой.

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
– Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?

М.Ю. Лермонтов

Постоянное противостояние Новгорода со шведами, длившееся не одно столетие, отражалось и на землях в районе реки Ижоры, что протекает по современному Гатчинскому району. Но это была не единственная серьезная проблема для новгородских князей – Тев-

тонский орден активно продвигался к Новгороду со стороны Кенигсберга и Риги. Зимой 1240 года его армия овладела Копорским погостом, дошла до Невы, реки Луги и Новгорода. Контролировать такую большую территорию орден, конечно, не мог – в то время численность братьев-рыцарей вряд ли превышала 300 человек, но они, по свидетельству летописца, с удовольствием разграбили множество новгородских поселений. Воинские подразделения тевтонцев состояли из наемников, которых поставляли уже покоренные прибалтийские племена, но встречались среди них и славяне.

Остатки валов крепости Ям

Александр Невский. Фрагмент картины П.Д. Корина

Так, в 1240 году в захвате орденом Пскова участвовал князь Ярослав Владимирович, сын псковского правителя Владимира, имевший на Новгород давнюю обиду – вече изгнало его из города еще в 1232 году, лишив титула великого князя. Любые посягательства на земли Господина Великого Новгорода очень болезненно воспринимались жителями вечевой республики, поэтому местный князь Александр Ярославович выступил с войском к Чудскому озеру, где 5 апреля 1242 года состоялось сражение Новгородской дружины с крестоносцами, итогом которого стало поражение немцев. Но противостояние с тевтонцами продолжалось еще довольно долго, и хотя в 1284 году Новгородская республика подписала с орденом торговый договор, положивший конец военному противостоянию, «на всякий случай» в 1384 году на реке Луге для защиты западных рубежей была построена крепость Ям. Гораздо раньше, в 1279 году, появилась деревянная крепость в Копорье, но с возведением больших укреплений на Луге это фортификационное сооружение утратило свое значение, что отразилось на местных жителях – население в этой части Вотской пятины уменьшалось. Ко времени захвата московским князем Новгородской республики относятся первые сведения и о Гатчине.

Карта Новгородских пятин XVI в. Фрагмент

Данные о существовании небольшого поселения на реке Теплой (Гатчинке) к 1499 году и версию о возникновении названия «Гатчина» приводит в своей книге «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке» Константин Алексеевич Неволин.

Пятина как административная единица региона или области была особенно популярна в Господине Великом Новгороде и в Пскове, хотя встречалась и в других древнерусских княжествах. Что же она собой представляла? Область просто делили на пять частей, каждая из которых и называлась пятиной, а конкретно в Новгороде они носили следующие названия: Водская, Шелонская, Обонежская, Деревская, Бежецкая и вели свою историю из далекого прошлого этой славянской земли. Среди множества сел и деревень, подчиненных Великому Новгороду, в писцовой книге Вотской пятины за 1499 год попадаетея некое Хотчино: «В Дятелинском же погосте Великого князя волости и села и деревни за детьми за боярскими в поместья. Значатся... село Хотчино над озерком над Хотчиным... дер. Зогозка на Хотчине». Сейчас довольно трудно определить, является ли село Хотчино тем самым, откуда пошла современная Гатчина, но многие факты, кроме близкого по звукам названия, указывают на справедливость данного утверждения. В той же писцовой книге далее упоминаются населенные пункты вокруг Гатчины, в то время расположенные близко к селу Хотчино, – село Парицы, сельцо Пудость, деревня Залесное Замостье (Малое Замостье), Войковичи (Войсковичи) и некоторые другие. Но на современной карте города нет озера с названием Хотчино или Гатчино, а из трех городских озер, пожалуй, только Черное лучше всего подходит на роль того самого, из летописи. На этот природный объект указывает и вторая деревня из перечня писцовой книги 1499 года – Зогозка, которая ныне стала городским районом с названием Малая Загвоздка. Белое и Глухое (Филькино) озера мы не рассматривали в качестве претендентов, так как они оба имеют более позднее искусственное происхождение, озеро Серебряное слишком мало, а другие гатчинские водоемы расположены далеко от рассматриваемой нами территории. Мы, конечно, еще вернемся к истории водных систем Гатчины, когда будем знакомиться с ее парками. А пока продолжим исследовать историю гатчинской земли.

Этимология названия села Хотчино, которое оно получило от расположенного рядом озера, точно не установлена. Со временем первая буква в его названии изменилась, и к началу XVIII века мы уже имеем мызу Готчино, затем – Гатчино, и наконец, знакомую нам Гатчину. Интересно, что вокруг исторических метаморфоз с названием этого небольшого городка возникло множество красивых легенд.

Одна из них связывает названия озера и села с женским именем Хочена, другая, более поздняя, была придумана писателем Василием Григорьевичем Рубаном и соотносит название города с немецким выражением «*Nat Schöne*», что переводится как «иметь красоту, иметь красивый (вид)». Еще одну, уже сказочную версию, происхождения названия привело на своих страницах известное в городе литературное издание «Гатчинский журнал». История относит нас к юным годам наследника престола Павла Петровича и его первой возлюбленной – местной девушки-ингерманландки, жившей на небольшой мызе рядом с Белым озером. Молодые люди тайно встречались ночью. Каждый раз, прощаясь с царевичем, девушка, стоя на берегу, кричала ему вслед: «Хаат, чиин!» («Возвращайся, любимый!»), словно предчувствовала их скорую разлуку. Павел Петрович женился на немецкой принцессе и забыл свою первую любовь, а местные жители в память о ней называли царскую мызу Хатчиной («Хаат, чиин»).

Но все это только предположения и домыслы. Рассматривать же происхождение слова «Гатчина» не имеет смысла, ведь мы уже установили, что это производный топоним, имеющий, соответственно, более позднее происхождение.

В XVI–XVII веках территория будущего города Гатчины практически не развивалась: сказывались захват и аннексия Великого Новгорода Москвой, а также крайне неудачный для Руси Столбовский мир. По итогам Русско-шведской войны 1613–1617 годов большая часть Водской пятины, в том числе и Ингрия (Ижорская земля), отошла Швеции, и террито-

рия стала заселяться прибалтийскими народами. Это, безусловно, коснулось и гатчинских земель.

В те времена основной деятельностью населения села Хотчино и близлежащих деревень оставалось земледелие. Населенные пункты были небольшими: от пяти до семи дворов, с избами, топившимися «по-черному», то есть печью без трубы, окна в которых «заволакивала» специальная задвижная доска. Понятно, что света сквозь такое окно проникало очень мало, но этот недостаток компенсировался специальным расположением оконных проемов.

С началом царствования Петра I началось и освобождение приневских земель от владычества Швеции. В результате сражения 15 августа 1702 года у реки Ижоры войска графа Петра Матвеевича Апраксина разбили шведскую армию; позднее пали крепости Шлиссельбург (Орешек) и Ниеншанц. В мае 1703 года была заложена крепость на острове Заячий, с которой пошел город Санкт-Петербург. Территория бывшей Водской пятины снова вошла в состав русского государства. В истории сельца Хотчино начиналась новая эпоха.

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назлом надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать на море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам...

А.С. Пушкин

В 1708 году указом царя Петра Алексеевича была образована Ингерманландская губерния, которая спустя два года стала называться Санкт-Петербургской. С 29 мая 1719 года губерния была разделена на провинции, и территория по реке Ижоре (Копорский уезд) вошла в состав Санкт-Петербургской провинции. И хотя местность эта была уже давно обжита, многочисленные болота, реки и дремучие леса окружали местные села и деревни. Со строительством новой столицы империи и возведением пригородных резиденций царской семьи и влиятельных сановников территории, примыкающие к Петербургу, становятся весьма востребованными и постепенно застраиваются и заселяются.

На карте Адриана Шонбека 1705 года уже нанесено поселение Гатчина, располагавшееся на территории нынешнего Приоратского парка. Эту мызу государь Петр Алексеевич подарил своей сестре царевне Наталье Алексеевне предположительно между 1708 и 1712 годами, и тогда же там начались работы по обустройству новой царской резиденции – мызы. Ее центральной постройкой был деревянный трехэтажный дворец, по типу того, что можно сейчас видеть в Стрельне. Рядом располагались избы дворовых людей. На территории поме-

ства построили конюшни, скотный и птичий дворы, теплицы, погреба и другие хозяйственные постройки. Вокруг дома разбили сад с фруктовыми деревьями и ягодным кустарником, каждый год высаживались не только цветы, но и овощные культуры – мода Петровского времени. С этой царской мызы начинается история Гатчинского дворцово-паркового ансамбля.

Приневские земли в 1698 г.

Наталья была любимой сестрой Петра I, постоянно поддерживала его во всех начинаниях. Государь регулярно писал ей в Москву письма, делясь новостями и радостью военных побед. Предположительно в 1708 году Наталья Алексеевна переезжает в Санкт-Петербург, но часто навещает в Москву и подолгу живет там.

История жизни царевны в XX веке как-то позабылась, оттененная биографией ее брата, которой хватило бы на десяток человеческих судеб. Петр и его сестра рано остались без отца – Алексей Михайлович скончался, когда будущему первому императору России было четыре года, а царевне Наталье – только три. Воспитанием детей занималась их мать, Наталья Кирилловна Нарышкина. В то время в России женщины были практически лишены воз-

возможности получить образование независимо от их статуса. Только став взрослой, царевна сможет заняться изучением всевозможных наук, отдавая предпочтение истории и литературе. В итоге Наталья Алексеевна стала одной из самых образованных женщин России начала XVIII века. Но особой ее страстью был театр.

Петр I Алексеевич

С 1690-х годов на женской половине дворца в Москве она начала ставить домашние спектакли; их сюжетами были сцены из Священного Писания или жития святых. В 1706 году в Преображенском была осуществлена большая постановка с участием домашней челяди и слуг. Многие в то время шло от Немецкой слободы, где Петр, часто бывал в сопровождении любимой сестры. В новой столице в своем доме Наталья Алексеевна организовала театр, для которого сама писала пьесы, а иногда и выступала в роли режиссера-постановщика. В архивах сохранились рукописи ее творений: «Святая Евдокия», «Хрисанф и Дария», «Комедия о святой Екатерине» и «Цезарь Оттон». К 1714 году на углу Сергиевской улицы и Воскресенского проспекта в Петербурге появилось свое театральное здание, с ложами, партером и сценой, к строительству которого царевна Наталья Алексеевна имела непосредственное отношение. За годы жизни на новом месте царевна собрала приличную по тем временам библиотеку – более двухсот томов.

Но сфера ее интересов не ограничивалась литературой и театром. Наталья Алексеевна активно занималась благотворительностью, в том числе основала и содержала на свои средства первую в нашем городе богадельню; финансировала строительство православных храмов, а в своем доме на Крестовском острове устроила первую в городе домовую церковь, положив начало хорошей традиции.

Царевна Наталья Алексеевна. Картина И. Никитина

Историк Казимир Валишевский писал: «С сестрой Петра Великого, Натальей Алексеевной, появляется новый тип – тип артистки, писательницы, провозвестницы женщины-доктора будущего. И в быстром развитии последнего типа в наши дни нельзя не признать исторической преемственности. Но вообще, истории, как и традиции, были скорее неблагоприятны для развития части интеллектуальных способностей в этой сфере».

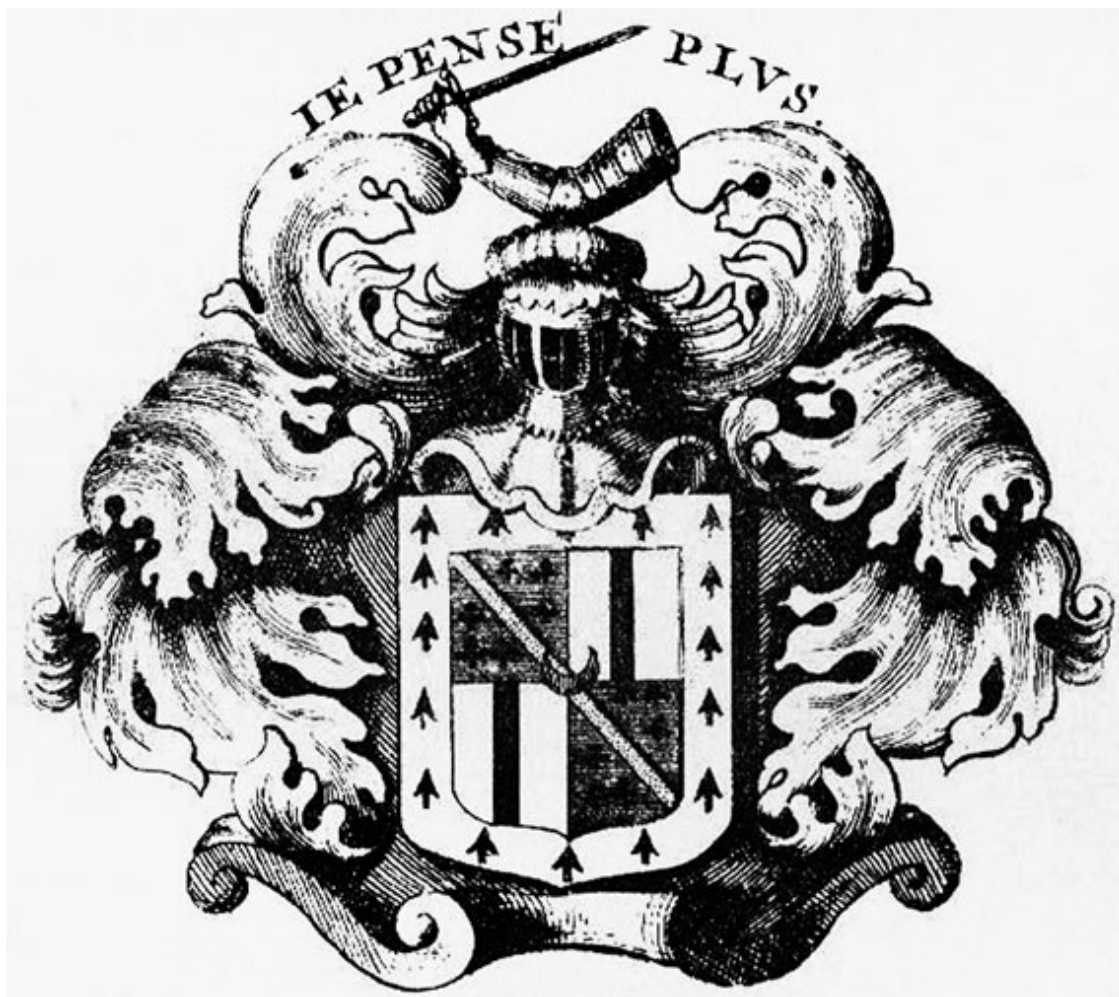
Гатчинская мыза. Фрагмент картины Я. Меттенлейтера

С именем царевны в России, и конкретно в Гатчине и Петербурге, связаны первые проявления женской эмансипации.

В 1716 году Наталья Алексеевна умерла, довольно рано, в возрасте 43 лет, и ее загородное имение повелением государя было отдано госпиталю; правда, вскоре царь изменил свое решение и Гатчину приписали к государственной аптеке.

После смерти Натальи Алексеевны с Гатчиной окажутся связаны имена двух незаурядных представителей Петровской эпохи, иностранных ученых, внесших большой вклад в русскую науку, – Роберта Арескина и Ивана Лаврентьевича Блюментроста. Тут необходимо важное уточнение – оба пользовались Гатчинской мызой, не будучи ее собственниками.

Роберт Карлович Арескин (правильнее – Эрскин), архиятр (главный лекарь при государе), шотландский врач, потомок древнего и знатного рода, появился на мызе в 1718 году (как оказалось, ненадолго). В 1716 году он становится лейб-медиком при Петре I и президентом Аптекарской канцелярии, совмещая эти должности с управлением Кунсткамерой и царской библиотекой. Поэтому передача в его пользование Гатчины, находящейся при государственной аптеке, была вполне логичная. Руководство русскими аптеками исстари было привилегией знатных бояр, Арескин стал первым иностранцем, занявшим эту должность.

Экслибрис Р. Арескина

По мнению многих историков, деятельность Р. Арескина была весьма полезна для развития врачебного и аптекарского дела в нашей стране, не имевшей до начала XVIII века национальной научной медицинской школы. Он усовершенствовал работу аптек, ввел строгий отбор иностранных врачей, желающих работать в России, а также содействовал улучшению подготовки медиков внутри страны. Сопровождая Петра Алексеевича в военных походах, Арескин занимается разработкой обязанностей военных медиков для нового военного устава. По поручению государя Арескин вел переписку со многими известными учеными Европы и касательно приобретения разного рода коллекций для Кунсткамеры, и для поддержания научных контактов с ведущими медиками того времени. В 1717 году архиятр сопровождал Петра в поездке по европейским государствам. Под руководством Роберта Арескина были открыты новые госпитали, лучше организовано снабжение лекарствами существующих лечебных учреждений, появились новые лекарственные препараты.

Будучи врачом общей практики, Роберт Арескин свободное время посвящал изучению минеральных источников, занимаясь исследованиями влияния воды на организм человека. Им открыты и изучены Полюстровские воды. Арескин рекомендовал их к использованию в лечении нервных заболеваний. В 1709 году он, будучи в Москве, собрал гербарий из старейших растений, являющийся в наши дни старейшим. Растения смонтированы на листах бумаги форматом 20 x 33 сантиметра с гербовым тиснением. Деятельный врач и ученый скончался в ноябре 1818 года, не дожив и до пятидесяти лет, и был похоронен на Лазаревском кладбище

Санкт-Петербурга. В 2008 году в Александро-Невской лавре была открыта мемориальная доска Р. Арескину – основателю отечественной медицины.

И.Л. Блюментрост

После смерти Р. Арескина в Гатчине обосновался (в 1719 г.) Иван (Иоганн) Лаврентьевич Блюментрост – президент Медицинской канцелярии и аптеки. Он был родным братом Лаврентия Блюментроста, личного врача царевны Натальи Алексеевны, ученика и товарища Роберта Арескина, первого президента Петербургской академии наук. Иван Блюментрост, защитив ученую степень доктора медицины после окончания университетов (учебу оплачивал Петр I) в Кенигсберге и Галле, поступил на службу к государю лейб-медиком, лечил также наследника и младших царевен. Будучи человеком весьма деятельным, Иван Лаврентьевич предложил царю план преобразований в медицинской сфере, что в итоге, возможно, и повлияло на назначение его после смерти Арескина архиятром. При его участии в Рос-

сии появилось множество новых аптек и лечебных учреждений, в 1728 году в Москве была открыта лечебница для приходящих больных при придворной аптеке. Продолжил доктор и работу Арескина по изучению и пропаганде минеральных вод Санкт-Петербургской губернии. С И.Л. Блюментроста началась история Министерства здравоохранения.

Гатчина была уже обустроенным жилым поселением, что подтверждается известным историком города С. Рождественским, который сообщает: «...в августе 1726 года Екатерина I, провожая в Курляндию свою племянницу Анну Иоанновну, избрала гатчинские леса для прощального обеда, сервированного в нарочно устроенных для этого случая палатках. Палатки эти были воздвигнуты под руководством архитектора Растрелли; князь Меншиков, желая сделать угодное Государыни, устроил в этих же лесах небывалое для того времени зрелище „гатчинскую машкараду“, закончившуюся грандиозной охотой».

При Блюментросте, по мнению историка Н.В. Якимовой, в Гатчине возник первый регулярный аптекарский огород, который стал основой для Ботанического сада времен наследника престола Павла I Петровича. Действительно, мыза находилась в ведении аптечного ведомства, и вполне логично, что Блюментрост использовал гатчинские земли для выращивания лекарственных трав, а не только для выращивания хлеба и разведения домашних животных. О большой работе, которую проделал новый владелец Гатчины, говорит его письмо, написанное на высочайше имя спустя двадцать лет: «...той мызы с деревнями собирал своим коштом, хлебом и лошадьми и снабжал скот; заводи и пашни, и сенные покосы расчищал и размножал, и всякое строение наемными работниками строил, и желая, чтоб она была во всяком довольствии, хлеба и скота чрез многие годы малое число в Санкт-Петербургский дом мой брал, а большую часть для хранения и содержания той мызы с деревнями оставлял, отчего себе действительно великий убыток понести принужден был. А в прошлом же 1732 году <...> та мыза с деревнями и со всем моим довольным награждением и строением, и с винокурными котлами, с хлебом и скотом, и со птицами, и что ни было без остатку, от меня вышеименованного взята и приписана к дворцовой вашего императорского величества конторе».

155
8

Monsieur

mon jeune médecin de ma connaissance qui a beaucoup de goût pour la botanique devant aller à Pétersbourg pour avoir occasion de s'exercer dans la connaissance des plantes; je n'ay pas voulu manquer cette occasion de vous assurer de mes très humbles respects et de ma parfaite estime. Je suis bien mortifié que les grandes affaires de sa Majesté Impériale l'empêchent d'exécuter les beaux projets qu'il a formés pour l'avancement des sciences: toute l'Europe savante est dans l'attente de ce qui en doit arriver, persuadée qu'il n'en arrivera rien de grand. Dans mon particulier j'ay vu que S. M. I. peut de beaucoup avancer l'Astronomie en procurant des observations dans toute l'étendue des ses états; et principalement établissant le siège de son astronomie à Moscou, qui suivant ce qui m'en a été rapporté me parait fort propre par sa situation pour les observations astronomiques; j'en ay ai témoiné dans mes lettres précédentes désirant que j'aurois de fonder cet observatoire et de régler les observations qui s'y feroient de manière à en faire conduire la correspondance à tous les autres astronomes de l'Europe, & servir de centre ou se rapporteroient toutes les observations que la M. I. feroit faire dans les différents endroits de ses états par des gens qui se feroient exercer à l'observatoire de Moscou; et de cette manière la M. I. par la grande étendue de ses états pourroit sans enfortir procurer autant d'avantage à l'Astronomie

Автограф и письмо Блюментроста

Тринадцать лет Иван Лаврентьевич Блюментрост пользовался Гатчиной, пока не лишился этой привилегии в 1732 году, когда был вынужден уйти в отставку. В течение нескольких лет Гатчинская мыза стояла бесхозной, пока 28 февраля 1734 года именным указом Анны Иоанновны не была пожалована князю А.Б. Куракину, на сей раз в личное потомственное владение.

Императрица Анна Иоанновна

Новый владелец взялся переустраивать новое имение под свой вкус и для своих нужд и за тридцать с небольшим лет, что Гатчина находилась в его (и его наследников) собственности, преуспел в этом деле.

Князь Александр Борисович Куракин по материнской линии происходил из славного рода, состоявшего в родстве с царями. После получения образования начал карьеру дипло-

мата, продолжив таким образом семейную традицию. Будучи удачливым дипломатом, князь был и весьма искусным царедворцем, особенно в такую непростую эпоху, как царствование Анны Иоанновны, регентство Бирона и правление Анны Леопольдовны, оставаясь при должностях и собственности. И хотя в 1749 году Александр Борисович умирает, Гатчина остается в семье Куракиных еще более пятнадцати лет, пока в 1765 году они не выставят ее на продажу.

В.А. Боровиковский. Портрет князя Куракина

Основные постройки Гатчинской мызы располагались на территории нынешнего Ботанического сада, вдоль дороги, идущей в восточном направлении. Двухэтажный господский дом имел по фасаду восемь прямоугольных окон, а средняя его часть была выделена небольшим портиком с полуциркульными арками, который завершался балконом с типичной для подобных построек балюстрадой. Четырехскатная, довольно высокая кровля здания был прорезана мансардными окнами на боковых скатах. Подобные усадебные дома были весьма распространены в первой трети XVIII века. К дому пристроен дополнительный флигель с мансардной кровлей – так обычно расширяли жилую площадь. Территория вокруг дома обнесена была оградой, а несколько построек были разбросаны по участку на некотором отдалении. Скотный двор на мызе имел вид большого каре, которое замыкали невысокие одноэтажные здания с простой двухскатной кровлей. Углы двора были выполнены в виде квадратных башен с тремя окнами по фасаду и четырехгранными кровлями наверху. И хотя это была хозяйственная постройка, она имела вид небольшой крепости, что традиционно для имений, владельцы которых были членами императорской фамилии либо знатными вельможами. Буквально до XX столетия известные архитекторы строили по заказам двора и знати оранжереи и птичники, конюшни и фермы в соответствии с архитектурными пристрастиями эпохи и вкусами клиентов.

В 1765 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было опубликовано объявление о продаже Гатчины: «...с принадлежащими ей 20-тью деревнями, лежащими одна от другой в близости; в них по последней ревизии мужеска полу 1180 душ, угодий, пашни, пашенного леса и пересолов 4309, сенного покосу 1183, лесов, 1909, моховых болот 5410, выгону 114 десятин». Все это имущество было оценено в 89 тысяч рублей, и покупатель не заставил себя долго ждать.

Императрица Екатерина II заплатила генерал-поручику Борису Александровичу Куракину требуемую сумму и стала владелицей поместья, которое вскоре подарила своему фавориту, верному гвардейцу Григорию Григорьевичу Орлову, с которым Гатчина обретет свои неповторимость и удивительное очарование, станет первоклассной загородной резиденцией с большим дворцом, уютными садами для прогулок и маскарадов, обширным парком, разрезанным блестящими зеркалами озерных вод, и лесом для настоящей царской охоты.

Но об этом в следующей главе.

Глава 2

Время Орлова

Начало роду Орловых положил Владимир Лукьянович, бывший губным старостой Бежецкого верха во времена Смутного времени. В его ведении было все уголовное судебное производство территории, причем избирались такие чиновники на местах, а утверждались (принимали присягу) в Москве, в Разбойном приказе. В старосты выбирали грамотных дворян, из чего можно сделать вывод, что Владимир Лукьянович Орлов принадлежал к дворянству сравнительно высокого материального положения. Отцом Григория Орлова, как и еще четверых братьев – Ивана, Алексея, Владимира и Федора, был новгородский губернатор Григорий Иванович Орлов, правнук старосты Владимира Лукьяновича, женатый на Лукерье Ивановне Зиновьевой.

О детстве Григория известно мало, с 1749 года был записан в Семеновский полк, участвовал в Семилетней войне, был ранен. Спустя некоторое время после выздоровления появился в столице Российской империи, где познакомился с принцессой Екатериной Алексеевной – женщиной, изменившей судьбу не только самого Григория, но и всей огромной страны.

Их встреча состоялась во дворце. Любовь и политика переплелись в их судьбах, приведя 28 июня 1762 года Екатерину II на престол, а Григория Орлова с братьями – к богатству и славе.

После смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 года (5 января 1761 по н. ст.) ее племянник Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский (внук Петра I, сын царевны Анны Петровны) был провозглашен императором Петром III, но не короновался. Он правил всего 186 дней, но за это короткое время умудрился восстановить против себя и своей политики гвардию, церковные круги и большую часть столичного общества. Это вылилось в вооруженный мятеж, к которому, собственно, и готовилась группа офицеров, среди которых были и Орловы. Арест капитана Пассека, одного из заговорщиков, ускорил исполнение намеченного. Трое братьев Орловых, ведомые Григорием, решили действовать, несмотря на то что Н.И. Панин (тоже участник группы) считал их выступление преждевременным. Алексею Орлову было поручено привезти императрицу из Петергофа (император Петр III находился в Ораниенбауме), куда он и прибыл 28 июня около шести часов утра. Екатерина выехала с Алексеем в Петербург, где их встретили Григорий Орлов и князь Барятинский, и все вместе они направились в казармы Измайловского полка, который первым провозгласил ее императрицей. Дальше были семеновцы, преображенцы... В Зимнем дворце Синод, сенаторы и часть правительства полдня присягали новой государыни, а после небольшого совета с главными заговорщиками решено было отправиться в Петергоф и арестовать низложенного императора.

Г.Г. Орлов

Ближе к вечеру армия, во главе которой верхом на лошади в мундире гвардейского полковника ехала новопровозглашенная императрица, двинулась к Петергофу. Дорога заняла всю ночь, и рано утром они остановились в Троице-Сергиевой пустыни, в Стрельне. Подробности ареста Петра III и отправки его под конвоем в Ропшу 29 июня мы опустим, заметим только, что они заняли почти весь день. Екатерина же отправилась обходить сопровождав-

шие ее войска. На следующий день она триумфально вернулась в столицу. Еще 3 июля 1762 года в Ропше низложенный император Петр III был убит, кем и как – до сих пор неизвестно. Только по косвенным данным можно делать какие-либо предположения. Датский дипломат Андреас Шумахер в своих мемуарах писал, что Петра задушили ружейным ремнем, а главным убийцей был «высокий и сильный мужчина», это указывает, кстати, на Алексея Орлова, но это только предположение. Среди участников преступления в тот день в Ропше находились (не считая рядовых охраны): подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка князь Ф.С. Барятинский, писатель Г.Н. Теплов, возможно, Н.Н. Энгельгардт, ставший позднее губернатором Выборга, а также актер Ф.Г. Волков (точно не установлено) и Алексей и Федор Орловы, младшие братья Григория. Инициатором и организатором физического устранения императора выступал Теплов, прибывший 3 июля в Ропшу. Ранним утром следующего дня князь Барятинский передал обер-гофмейстеру Панину секретное сообщение: «Император мертв». Самого Григория там не было, но он всю жизнь нес бремя вины за это убийство и на склоне дней не раз просыпался посреди ночи, повторяя в приступах прогрессирующего безумия: «Наказание мне! Наказание!»

Екатерина II

В день убийства Екатерина получает тайное сообщение о насильственной смерти ее несчастного супруга. Чтобы скрыть имя убийцы, Екатерина отрывает ту часть бумаги, на которой стояла подпись, и мы, возможно, так никогда и не узнаем, от чьей руки пал законный государь России. Но в тот же день ей приходит еще одна записка, подписанная Алексеем Орловым, в которой тот излагает бытовую версию случайного убийства Петра III в пьяной

драке: «Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал и как нам задумать поднять руку на Государя... свершилась беда, мы были пьяны и он тоже, он заспорил за столом с князем Федором [Барятинским], не успели мы разнять, а Его уже не стало, сами не помним, что делали...» Неофициальная версия смерти императора Петр III появляется в обществе практически сразу же после событий в Ропше. И вскоре пойдет гулять по России легенда о чудесном спасении Петра Федоровича, и в огромной стране начнут появляться один за другим самозванцы, собирая крестьянские армии, захватывая города и села, словно напоминая великой императрице, чей престол она занимает.

Император Петр III

Официальное сообщение вышло только 6 июля, в нем сообщалось, что государь скончался в Ропше от «геморроидической колики». Так и останется в учебниках истории неправильная дата смерти Петра III – на три дня позже случившегося.

А.Г. Орлов

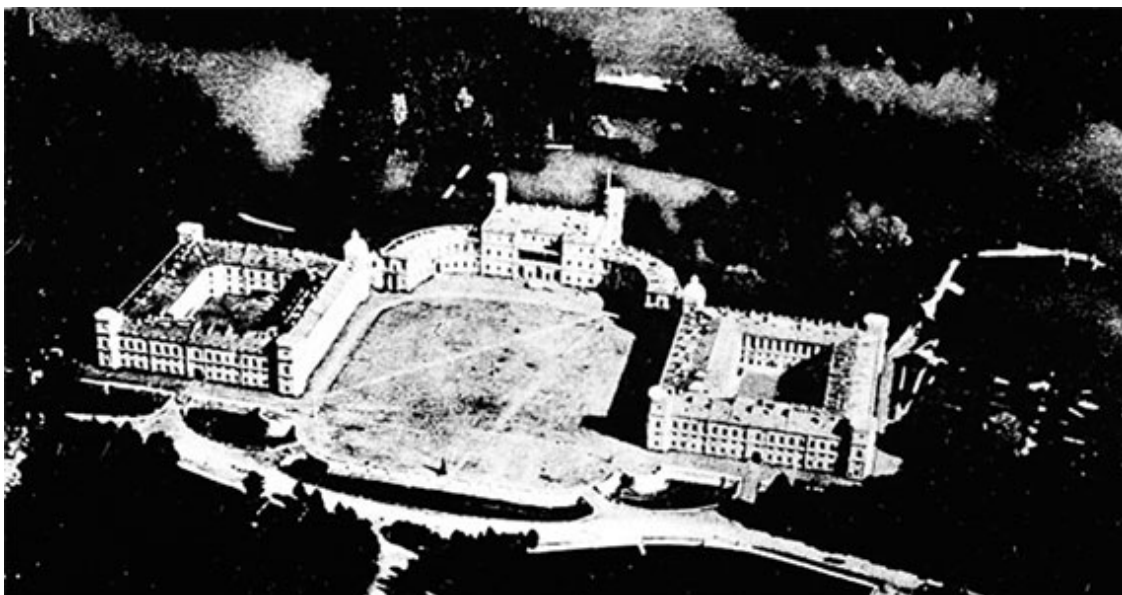
Народ в Петербурге ликовал, множество горожан радовались открыто на улицах, крича: «Ваш Бог умер!» и «Его нет более; мы не хотим его более!» Но мало кто из них знал, что смена власти произошла благодаря решительным действиям кучки гвардейских офицеров, главным из которых был Григорий Григорьевич Орлов. Екатерина в письме к Понятовскому от 2 августа 1762 года писала: «Мы были уверены в [преданности] большого числа капитанов гвардейских полков. Узел секрета находился в руках троих братьев Орловых; Остен помнит, что видел старшего, как он всюду за мной следовал и делал тысячу безумных вещей. Его страсть ко мне была весьма известна, и всё им делалось с этой целью. Это – люди необычайно решительные и очень любимые большинством солдат, так как они служили в гвардии. Я очень многим обязана этим людям; весь Петербург тому свидетель».

... Вспоминается осень сурова:
Эфес шпаги и блеск на клинке,
И надежные руки Орловых,
Возносящих к престолу – Фике!

Авантюренность, любовь и отвага,
То – для слуха мужского что лесть,
И всегда – тренирована шпага!
Да, еще – неразменная Честь...

П. Галачянц

22 сентября в Москве, как и положено, состоялась торжественная коронация императрицы Екатерины II. Все эти события объясняют, за что столь щедро наградила Екатерина своего фаворита, подарив ему Гатчину. Конечно, кроме политики и тайны устранения Петра III их связывал и общий ребенок – сын Алексей, с которого пошла графская фамилия Бобринских. Незаконнорожденный, он получил имя своего дяди – Алексея, отчество отца – Григория, но формально был сыном Петра Федоровича, который если и не знал точно, то наверняка подозревал свою супругу в измене с красавцем-гвардейцем.

Дворцово-парковый ансамбль

Первое время Екатерина часто ездила к своему фавориту, которого, между прочим, называла «гатчинским помещиком», одно время эти поездки были ежедневными. Императрица живо интересовалась всеми делами в имении, осматривала новые постройки, с удовольствием гуляла по парку. Как мы знаем, Екатерина любила строить – Санкт-Петербург, Царское Село и Ораниенбаум тому неопровержимые свидетельства, и ее интерес к строительству Гатчины был неподдельным.

Карьера известного царедворца закончилась так же быстро, как и вспыхнувшие чувства между Орловым и Екатериной, как взлет гвардейского офицера на олимп русской политики. С 1772 года Григорий Григорьевич отставлен от государыни, и ему не рекомендовано приезжать в Санкт-Петербург. «...Вам нужно выдержать карантин, и Я предлагаю вам избрать, для временного пребывания, ваш замок Гатчину...» – писала государыня графу. После недолгого охлаждения императрица и ее верный Орлов вновь стали вместе проводить дни в имении, которое 18 июня 1773 года даже стало местом встречи императрицы Екатерины II и ландграфини Каролины Гессен Дармштадской, привезшей в Россию (за счет русской казны) трех дочерей, одна из которых – Вильгельмина, стала невестой цесаревича Павла Петровича. Отобедав в поместье у Орлова, государыня и гости отправились в Царское Село.

Императрица Екатерина II на соколиной охоте. С картины В.А. Серова

После 1773 года граф Орлов в основном живет за границей или в Центральной России, и в Гатчине, которую продолжал обустривать вплоть до самой своей смерти, случившейся 13 апреля 1783 года, уже не появляется.

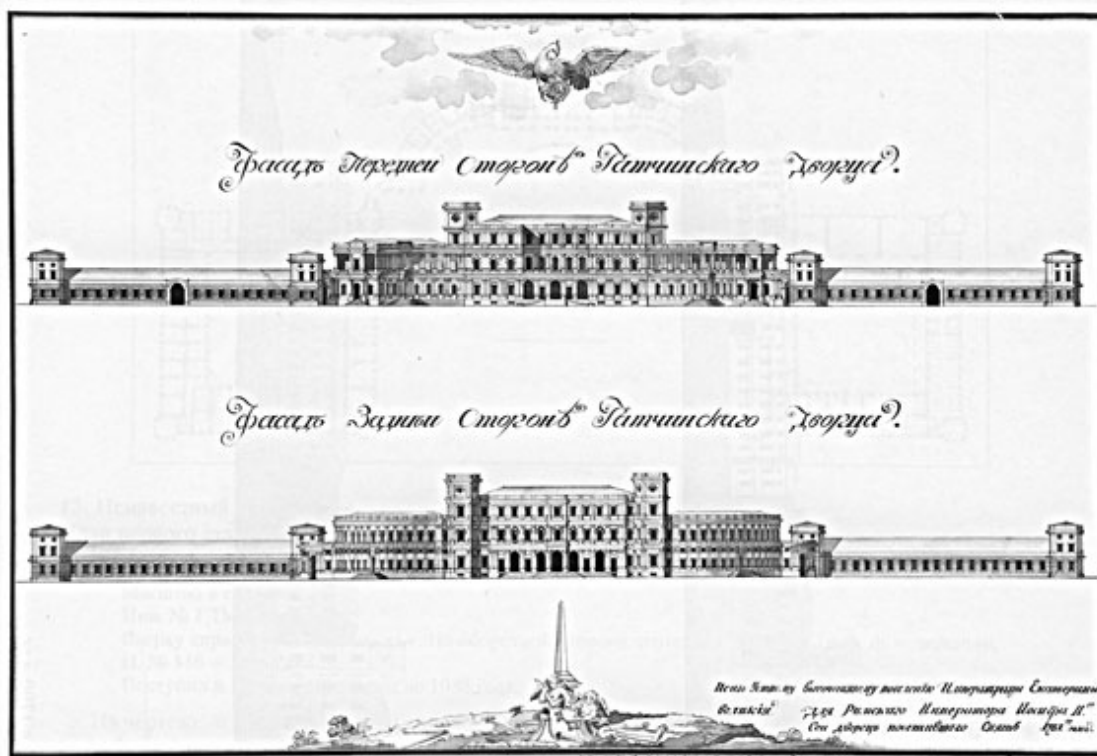
Еще до начала больших строительных работ в Гатчине Григорий Орлов в письме к французскому философу Жан Жаку Руссо от 1766 года так отзывался о своей мызе: «Мне вздумалось сказать вам, что в 60 верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок, и возбуждают к мечтательности. Местные жители не понимают ни по английски, ни

по-французски, ещё менее по-гречески и латыни. Священник не знает ни диспутировать, ни проповедовать, а паства, сделав крестное знамение, добродушно думает, что сделано всё». Как видно из текста послания, Гатчина нравилась графу своей тишиной и благодатью, а непосредственность местных жителей, по его мнению, должна была пленять непосвященных в русскую действительность иностранцев. Подарок возлюбленному был по-настоящему царским, и Орлов решил перестроить мызу, превратив ее, как того требовал его, и что особенно важно, ее – Екатерины Великой, статус. Для воплощения задуманного были приглашены архитектор Антонио Ринальди и садоводы И. Буш, Д. Шпарро и Дж. Гакет, которые на протяжении нескольких лет создавали дворцово-парковый ансамбль, вставший со временем в один ряд с Царским Селом, Ораниенбаумом и Петергофом.

Дворцовый парк

Первое, что сделали на территории мызы, – это расчистили лес, приведя его в более или менее приемлемое для прогулок и охоты состояние. Ради последней забавы устроили Зверинец – пейзажный парк площадью 340 гектаров, где в специально выстроенных для этой цели сараях и загонах содержались лоси, кабаны и олени, завезенные из прибалтийских зверинцев и предназначенные для охоты. Екатерина II принимала участие и в егерских, и в соколиных ее разновидностях. Основными объектами ландшафтных преобразований стали два озера – Белое и Серебряное. Следовало укрепить берега этих водоемов и изменить их очертания. Пришлось углублять дно, рыть каналы, насыпать холмы и создавать искусственные острова на Белом озере: Еловый, Сосновый, Березовый, Пихтовый (Круглый), Плавающий. Их соединили небольшими мостиками. В парке был построен летний дворец-павильон: «... огромная деревянная палатка, – это была летняя столовая, обставленная кругом качелями, фортунами, кеглями и прочими играми. Внутренность дворца поражала не столько великолепием, сколько изяществом», – писал знаток истории города С.В. Рождественский.

Большой Гатчинский дворец. Фасады. Проект

В 1769 году в имение к Г.Г. Орлову приезжает ирландский садовод Чарльз Спарроу, создавший удивительный по гармоничности парковый ансамбль. Мастер использовал холмистый характер местности и добавил немного садово-парковых сооружений. При Орлове существовал подземный проезд из Серебряного озера в Белое, ход под землей из дворца к гроту «Эхо», стояли колонна Орла и Чесменский обелиск, а водную гладь озер украшали статуи, тумбы которых были установлены прямо в воде.

Итальянский архитектор А. Ринальди, чей приезд в Россию состоялся предположительно в результате встречи с гетманом Малороссии К.Г. Разумовским, первое время работал в Киеве, а в 1754 году переехал в Санкт-Петербург и занялся строительством в Ораниенбауме. Первые постройки зодчего там не сохранились – театральный дом сгорел, а первый Китайский домик был сломан по приказу Павла I. Существующий ныне Китайский дворец, называвшийся изначально Голландским, зодчий строил в 1762–1768 годах. Свое нынешнее название дворец получил уже в XIX веке. В Ораниенбауме Ринальди построил еще множество зданий, но в 1768 году он оставляет этот гостеприимный пригород и начинает возведение большого дворца на набережной Невы, в конце Миллионной улицы, для графа Г.Г. Орлова.

С 1766 года Антонио Ринальди занимается строительством дворца («Увеселительного дома»), дошедшего до наших дней в сильно измененном реконструкциями виде, хотя и сохранившего в своей основе ринальдиевский план постройки. Он возводит его на холме, на берегу Серебряного озера. Гатчинский дворец был задуман как охотничий замок. Его первоначальный облик легко представить по главному фасаду современного здания со стороны озера – он менее всего подвергся разрушениям и перестройкам. Интерьеры также изменились со временем, и это связано не только с переделками XIX века, но и с колоссальными потерями времен Великой Отечественной войны, когда дворец был разграблен и практически сожжен. Из восстановленных к настоящему времени интерьеров первозданный вид

имеют Белый и Колонный залы. То же можно сказать о Туалетной и Башенном кабинете – комнатах Марии Федоровны. Работами по реконструкции дворца после Ринальди руководил другой итальянский архитектор – В. Бренна, пристроивший массивные корпуса Кухонного и Конюшенного дворов и спрятавший за наружными стенами чудную открытую колонную галерею, располагавшуюся наверху здания. Внутреннее убранство тоже претерпело большие изменения.

Сады в глазах моих обширные картины:
Рисуйте! скаты гор, леса, ручьи, долины,
Игра, и перелив, и живопись цветов,
И бархат луговой, и бахрома холмов;
Вот краска, полотно; вот кисть, располагайте!
Природа ваша вся, старайтесь, поправляйте.

А.Ф. Воейков

Ринальди принадлежат и такие первые парковые сооружения, как Чесменский обелиск из мрамора различных оттенков в честь победы русского флота над турецким в бухте Чесма в 1770 году (брат хозяина Гатчины А.Г. Орлов командовал русской эскадрой) и колонна Орла (она посвящалась самому графу Г.Г. Орлову). Он создал знаменитый грот «Эхо», который завершал подземный ход от дворца к Серебряному озеру, а также заключил в гранитную оправу восьмигранного колодца сильный подземный ключ рядом с этим озером. Ринальди разработал первоначальную планировку парка, взяв за основу регулярные английские сады, и в результате он стал первым в России пейзажным парком. Архитектор занимался разбивкой садов, устройством оранжерей и строительством целого комплекса Зверинца. Поскольку, учитывая гатчинские традиции и особую любовь заказчика к охоте, Ринальди выстроил дворец, как уже упоминалось, в стиле охотничьего замка, то и парк, вернее сказать систему парков, он оформил как большие угодья, которые позволяли в полной мере наслаждаться и охотой, и выездами. Это было весьма кстати, ведь Екатерина, особенно в 1768–1769 годах, часто посещала Гатчинскую мызу, до которой из Царского Села была «прямая» дорога.

Английский сад. Фрагмент картины Я. Меттенлейтера

Устройством сада в «английском вкусе» занимался знаменитый ученый-ботаник, садовый мастер Иоганн Буш, прекрасный специалист по организации пейзажных парков. В своей работе он использовал все богатство и разнообразие гатчинского ландшафта. С ним работают садовники Д. Шпарро, Лев Иванов, Алексей Кряжев, Василий Ползунов, Иван Лебе-

дев. Много времени и сил потратил на Гатчину ирландец Джон Гакет, работавший, правда, в основном при Павле Петровиче.

После кончины хозяина Гатчины Григория Григорьевича Орлова казна выкупает у наследников графа мызу с пятью деревнями в придачу. Через несколько лет, 6 августа 1783 года, по указу императрицы Екатерины II дом со всем имуществом был подарен наследнику российского престола Павлу Петровичу.

«Из купленных Нами, – гласил текст высочайшего указа, – у графов Орловых деревень, состоящих в ведомстве нашего флигель-адъютанта Буксгевдена, повелеваем отдать во владение Нашему Любезному Сыну, великому князю, мызу Гатчину с тамошним домом со всеми находящимися мебелью, мраморными вещами, оружейною, оранжерею и материалами, с 20-ю принадлежащими к той мызе деревнями, мызу новую скворицкую и мызу старую скворицкую, с приписанными к ней деревнями, пустошами и землями...»

*Вот и кончилось время Орлова...
За День – Жизнь пронеслась стороной!
Возрождая и Дело и Слово...
– Будем жить! А сегодня – домой! —
Развернулся кортеж с колесницей
И понесся к Столице, пыля!
И рыдала в карете Царица
Под закат уходящего дня...*

П. Галачьянц

Но остался дворец, о котором этнограф и путешественник И.Г. Георги писал: «Знатной величины дворец, построенный Князем Орловым в виде продолговатого четверугольника, имеет над погребями 3 этажа и в каждом конце маленькую башенку, замок, который выше дворца, и плоскую кровлю или бельведер, с коего все переменные предметы великой и прекрасной тамошней страны видеть можно, почему знатные особы нередко на башни сии всходят. Дворец снабжен также сделанным г. Надворным Советником и Кавалером Эйлером отводом молнии. На главной стороне соединен с каждым концом, помощью колоннады цилиндрических столпов, из Финляндского мрамора сделанных, четверугольный флигель в 1 этаж вышины, чем составляется перед дворцом четверугольная открытая площадь, перед которой находится расположенный группами лес, с весьма широко просеченною перспективою. Из всех комнат главной стороны имеется чрез то приятный вид. В четверугольных флигелях находятся жилища дворцовых служителей, кухни и конюшенный двор. Дворец и флигели построены их желтоватых известковых и песошных плит, оставленных в естественном их цвете. При расположении внутренности дворца взирали так, как в Павловске, более на изящный вкус, чем на великолеpie; однако же не недостает и великолепия. Кроме библиотеки видны разные древние бюсты, барельефы и пр., а в галерее находятся также три прекрасные копии трех больших картин, изображающих Чесменское сражение и писанных по повелению Князя Орлова живописцем Гакертом».

Глава 3

Наследник престола

С появлением в Гатчине нового хозяина, цесаревича Павла, резиденция становится своеобразным полигоном для его различных нововведений, которые вскоре после восшествия Павла Петровича на престол станут вводиться по всей необъятной стране. Главный смотритель Гатчинского дворца-музея В.К. Макаров точно подметил местную особенность: «„По-гатчински” хмуро и свысока смотрели правители, вышедшие отсюда, на Россию как на огромный плац-парад». Эту же особенность показал и Д.С. Мережковский в своей пьесе «Павел I», где события происходят в 1801 году, перед самым дворцовым переворотом:

«Павел (*махая тростью*). Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! Ноги прямо, носки вон! Штык равняй, штык равняй! Ноги прямо, носки вон! Раз-два, раз-два, левой-правой, левой-правой, раз-два! (*Уходит.*)

Константин. Гляди-ка, Саша, двенадцать шеренг как равняются. Сам бы король прусский позавидовал. Ах, черт побери, вот это по-нашему, по-гатчински! А все-таки быть беде...

Александр. А что?..»

Тут все зависело от характера наследника престола, его привычек, особенностей воспитания и образования.

Император Павел I

Парад на дворцовом плацу. Акварель Г.С. Сергеева

Жизнь великокняжеской семьи в Гатчине, где она проводила в основном летние и осенние месяцы, была довольно однообразной – Павел Петрович с упоением предавался военному делу, а Мария Федоровна занималась домашним хозяйством или читала. Вставали супруги довольно рано, иногда в четыре часа утра, и, позавтракав, отправлялись каждый по своим делам. Как обычно проходил день в Гатчинском дворце, описала в одном из своих писем сама Мария Федоровна: «Обедаем мы обыкновенно в 4 или 5 часов: Великий Князь и Я, m-lle Нелидова, добрый гр. Пушкин и Лафермьер. После обеда проводим время в чтении, а вечером я играю в шахматы с нашим бодрим Пушкиным восемь или девять партий сряду; Бенкендорф и Лафермьер сидят возле моего стола, а m-lle Нелидова работает за другим. Столы и стулья размещены так же, как и в прошлый 1789 год. Когда пробьет восемь часов, Лафермьер с шляпой в руке приглашает меня на прогулку. Мы втроем или вчетвером (Лафермьер, Бенкендорф, Я и иногда граф Пушкин) делаем сто кругов по комнате; при каждом круге Лафермьер выбрасывает зерно из своей шляпы и каждую их дюжину возвещает обществу громким голосом. Иногда, чтобы оживить нашу забаву и сделать ее более разнообразной, Я и Бенкендорф пробуем бегать на перебежку. Окончив назначенные сто кругов, Бенкендорф падает на первый попавшийся стул при общем смехе. Таким образом убиваем мы время до половины девятого...»

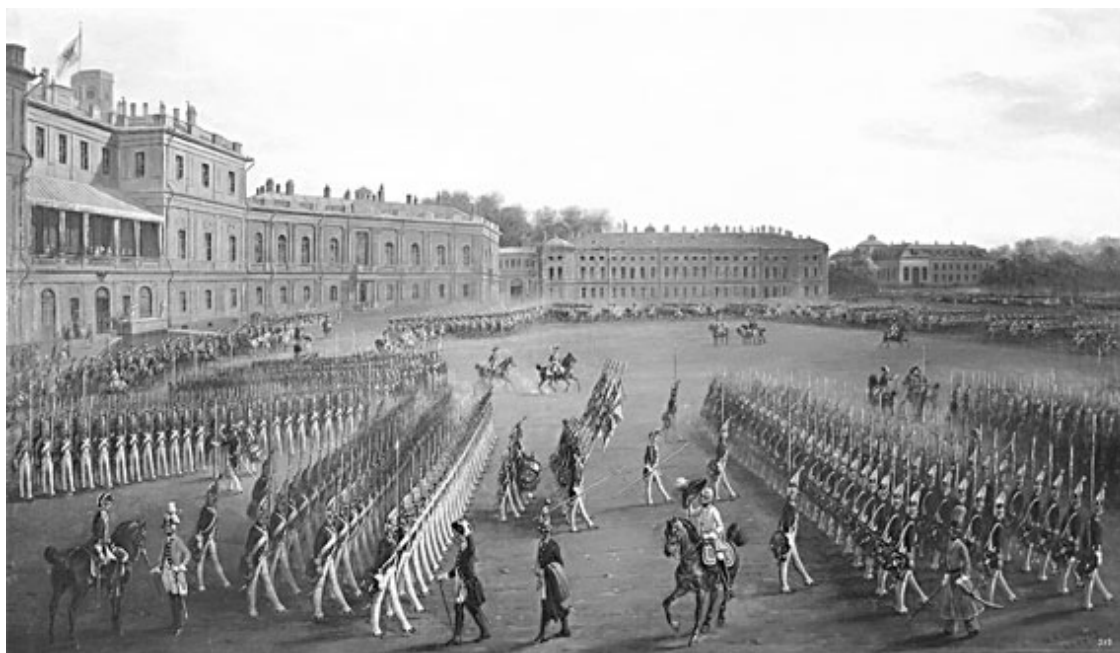
Императрица Мария Федоровна

Как мы видим, свободного времени у великой княгини было достаточно. Она много рисовала, занималась резьбой по кости или камню, училась медальерному искусству. Летом в резиденции часто бывали гости из Санкт-Петербурга, оставаясь во дворце по несколько дней. Но по разным причинам, в основном из-за натянутых отношений сына с матерью — Екатериной II, число посетителей Гатчины было постоянным и практически не менялось. Среди участников вечеров были И.П. Кутайсов, адмирал Кушелев, полковник А.А. Аракчеев, баронесса Шарлотта Ливен, фрейлина И.Е. Нелидова, семейство Бенкендорф и некоторые другие. По свидетельству современников, встречи гостей в Гатчинском дворце более походили на неофициальные, дружеские вечера.

Особенно любили владельцы гатчинского имения концерты и театральные действия, которые организовывались графом Г.И. Чернышевым силами любительской труппы. Граф

сам был и автором пьес, и актером. Среди участников этих спектаклей были А.А. Мусин-Пушкин, князь П. Волконский, Н. Голицын, И.М. Долгорукий. Женские роли обычно исполняли Е.И. Нелидова, В.Н. Аксакова и Е.С. Смирнова. Кроме пьес, написанных в Гатчине Чернышевым, и творений личного секретаря и библиотекаря великого князя Лафермьера, на сцене ставились французские оперетки. Самыми грандиозными, с фейерверками и красочной иллюминацией, были театрализованные представления 29 июня, в день ангела Павла Петровича, и 20 сентября, в день его рождения.

С наступлением холодов великокняжеская чета возвращалась в Санкт-Петербург, в свои апартаменты в Зимнем дворце или собственный дворец на Каменном острове.

Парад в Гатчине. Картина Г. Шварца

Наследник престола был чрезвычайно увлечен армией и военным делом. Он организовал воинские части, получившие название «Гатчинское войско», поскольку были расквартированы в Гатчине. Все это очень напоминает события, развернувшиеся в другой великокняжеской резиденции – Ораниенбауме – несколькими десятилетиями ранее. Отец Павла великий князь Петр Федорович не только построил в бывшем имении князя Меншикова несколько крепостей, но и устраивал настоящие бои между ними с участием небольших военных кораблей и обученных военному делу солдат. Под командованием Петра в Ораниенбауме находились два полка голштинских пехотинцев, мушкетеры, гренадеры и артиллерия. Кирасирский и драгунский полки составляли кавалерию великого князя. «Потешная» армия Петра III по разным причинам так и осталась таковой, чего не скажешь о военных частях его сына, размещенных в Гатчине. А получив реальную власть, Павел Петрович принялся за переустройство русской армии по гатчинскому образцу.

Еще в 1762 году Екатерина Великая пожаловала своему сыну и наследнику престола воинское звание полковника лейб-гвардии кирасирского полка, с которым Павел даже успел принять участие в войне со Швецией. В самом конце 1762 года императрица подписывает еще один указ, которым жалует своему сыну звание генерал-адмирала флота. Обладая этими воинскими званиями, Павел в реальности не имел никаких армейских подразделений под своим управлением и после получения Гатчины во владение решил обзавестись, как и его отец, личными вооруженными формированиями, потребовав у матушки для начала батальон

морских солдат и эскадрон кирасир. С них и началась история гатчинского войска. Спустя некоторое время на озере в парке появились переоборудованные под военные корабли лодки, положив начало небольшой гатчинской флотилии. Цесаревич, увлеченный военным искусством, начинает систематическое строительство небольших вооруженных сил – гатчинской армии, не просто разрабатывая всевозможные уставы и регламенты военной службы, но и заботясь об увеличении численности солдат и офицеров и лично принимая участие в обучении новобранцев.

Рядовой конной артиллерии Гатчинских войск

В 1785 году в Гатчину прибывает тот самый кирасирский полк, с которого начиналась военная карьера наследника, и, на базе всех существовавших тогда в Гатчине подразделений Павлом было сформировано пять рот батальона Его Императорского Высочества. Через два года общее число солдат достигло 350 человек, объединенных в три батальона под началом самого Павла Петровича, капитана барона Штейнвера из Пруссии и поручика Мая. Всего к началу царствования Павла I в Гатчине под его командованием находилось 2400 человек, причем состав этой армии, построенной по прусскому образцу, был довольно пестрым. Кроме немцев, там служили сербы, украинцы (малороссы), было много случайных офицеров, командированных или находящихся в отпуске. Интересно, что Екатерина, весьма зорко следившая за своим сыном, в военном деле дала ему полную свободу, и причины этого

остаются неизвестными, хотя многие свои военные начинания Павел осуществлял во время отсутствия императрицы в Петербурге.

В Гатчинских войсках была принята прусская униформа: короткие панталоны, чулки, башмаки, напудренные косы и так далее. В основе жизни этой местной армии лежал устав, созданный по прусскому образцу бароном Штейнвером и Кушелевым. Все войска разделялись по роду оружия на инспекции, во главе которых стоял инспектор, ответственный за обучение, подготовку и порядок во вверенной ему части. Название полки получали по фамилии своих шефов.

А.А. Аракчеев

С сентября 1792 года над этим разношерстным воинством прусского образца был поставлен молодой артиллерист Алексей Андреевич Аракчеев. Он случайно оказался в Гатчине, но каким-то образом снискал расположение Павла Петровича. Спустя четыре года Аракчеев, уже в чине полковника, был поставлен инспектором пехоты и артиллерии всех

гатчинских войск, одновременно занимал должность губернатора города и заведовал военным департаментом, созданным в Гатчине для управления хозяйственной частью армии. Так, граф Аракчеев стал вторым после Павла лицом в городе. До 1791 года инспектором пехоты был полковник Баратынский, а кавалерией управлял майор Кологривов. Супруга герцога Саксен-Кобургского писала в одном из писем от 1795 года о своих впечатлениях от посещения Гатчины: «Мы были очень любезно приняты, но здесь я очутилась в атмосфере, совсем непохожей на Петербургскую. Вместо непринужденности, царствующей при Императорском дворе, здесь все связано, формально и безмолвно. Великий Князь умен и может быть приятен, когда захочет, но у него много непонятных странностей, и между прочим, та, что около него все устроено на прусский лад и ещё по старинным образцам прусским; как только въезжаешь в его владения, так являются трехцветные (черные, красные, белые) шлагбаумы, с часовыми, которые на прусский манер окликают проезжающих».

Самодержец Всероссийский... Что в нем жгло? Какой державе
Сей привиделся курносый и картавый самодур?
Или скифские метели, как им приказал Державин,
Шли почетным караулом вокруг богоподобных дур?

Или, как звездой Мальтийской, он самой судьбой отравлен?
Или каркающий голос сорван только на плацу?
Или взор остервенелый перекошен в смертной травле?
Или пудренные букли расплясались по лицу?

О, еще не все разбито! Бьет судьбу иная карта!
Станет на дыбы Европа ревом полковых музык!
О, ещё не все известно, почему под вьюгой марта
Он империи и Смерти синий высунул язык!

П.Г. Антокольский

Как мы уже знаем, Павел получил Гатчинскую мызу с несколькими деревнями, с населением 6 тысяч человек обоего пола. Определенной проблемой для властей стало появление здесь беглых крестьян, которые, узнав (что удивительно) о предстоящем объявлении мызы городом, старались таким образом получить возможность стать городскими обывателями, покончив с крепостной зависимостью. В какой-то момент их стало так много, что великому князю пришлось принимать решительные меры, препятствующие проникновению на земли Гатчинской мызы крестьян из других мест. В этой связи в мае 1784 года был издан соответствующий указ сената.

Сразу после того как Гатчина стала собственностью наследника, здесь началось большое строительство. И так случилось в истории этого города, что время сумасбродного Павла I стало для резиденции «золотым веком», эпохой, когда на карте Российской империи появился новый город, выстроенный государем как образец для всей страны. В 1796 году высочайшим повелением мыза получила статус города. Тонкий знаток города, очень точно чувствовавший его душу, Н.Е. Лансере писал: «Гатчина со всеми ее дворцами и городом при Павле достигла высшей точки своего процветания, на которой после смерти императора не могла уже удержаться».

Это был город-плац, город-казарма. Все выезды из Гатчины охранялись сторожевыми заставами, а многочисленные гатчинские ворота, сохранившиеся до нашего времени, стали одной из отличительных особенностей этой императорской резиденции. В маленьком городке, еще недавно помещичьей мызе, была возведена настоящая крепость Ингер-

бург, сохранившиеся ворота которой встречают каждого въезжающего в Гатчину со стороны Санкт-Петербурга; намечались к строительству еще более грандиозные фортификационные сооружения по проектам архитектора В.И. Баженова; а военный гарнизон (гатчинские войска) напоминал армию маленького государства. Первыми жилыми постройками Гатчины были многочисленные казармы, разбросанные по разным частям городской территории, отчего зарождающийся городок более походил на укрепленный военный лагерь.

Но «идеальный город» состоял не только из военных объектов. В Гатчине были построены стекольный (за Мариенбургом) и полотняный заводы, суконная фабрика; изготавливали в Гатчине фаянсовые и фарфоровые изделия.

Точной даты организации в Гатчине производства сукна нет, но известно, что в 1795 году из Ямбурга был приглашен некий Мозиер. Его приняли на службу за 1000 рублей в год и выделили квартиру в городе. Павел Петрович предполагал установить четыре станка, Мозиер хотел работать на двадцати агрегатах, что не было воплощено по известным причинам – императора в 1801 году убили, и развития его мануфактурное начинание в Гатчине не получило.

Лейб-гвардии Финляндский полк при Павле I

Шляпная мастерская снабжала жителей шляпами и шляпками установленного Павлом Петровичем образца, а военных – форменными головными уборами; пуговичное и золотошвейное производства покрывали потребность в необходимых для украшения мундиров аксессуарах. Среди богоугодных заведений были построены госпиталь и военно-сиротский дом для солдатских детей, открыта аптека и начальное училище. Кроме православных

храмов для жителей католического или протестантского вероисповеданий были построены костел и кирха. Деревянное здание кирхи на Большом проспекте включало в себя и приходскую школу. Рядом располагались дом пастора и участок земли для выращивания сельскохозяйственной продукции для нужд общины. Так как церковь поначалу был одна и для лютеранской общины, и для католиков, то повелением цесаревича было определено, что богослужения проводятся в порядке очереди, при этом католики начинали службу первыми и обязаны были закончить ее к половине 11 утра. Павел предписал пасторам (так называл цесаревич и католического ксендза) этих двух разных направлений христианства жить в дружбе и не побуждать своих людей к вражде. Наследник русского престола подробно регламентировал, как и когда собирать пожертвования на храм, помогать неимущим и управлять пастовой. Уже тогда проявилась его любовь к упорядочиванию всего и вся, со временем, как мы знаем, переросшая в маниакальную страсть к регламенту, которым он уже изводил все население империи. Следующим наказом Павел подробно расписал условия проведения подрядных работ при строительстве каменных зданий, а в 1793 году издал регламент, который упорядочивал отношения в Гатчине между квартиросъемщиками (это были военные) и собственниками жилых помещений. Немного отступив от повествования, скажем, что все эти законотворческие изыскания будущего императора интересны нам тем, что впервые опробовались на практике именно в Гатчине, и многие положения этих «местных» законов были неведомы большинству городов страны. В соответствии с регламентом в Гатчине появилось такое учреждение, как «должностной дом» – своего рода ведомственная гостиница для нижних чинов армии. Из числа местных жителей выбирался ее содержатель, который за умеренную плату выдавал приезжим дрова, свечи и солому и следил, чтобы среди них не было лиц, не имеющих паспорта от коменданта или билета от исправника. На регламенте законотворчество цесаревича не закончилось, и он придумал инструкцию о караульной службе в Гатчине по охране порядка в ночное время.

Для размещения приезжающих в городе существовал постоялый двор с трактиром – герберг. Его содержал купец 3-й гильдии из Санкт-Петербурга Поликарп Прокофьевич Варгин, с которым 9 мая 1797 года был заключен соответствующий договор, гарантирующий ему право на монополию. Соглашение заключалось сроком на один год, но подлежало продлению. В трактире продавались лучшая «вейновая водка», различные виноградные вина, английское пиво, кофе, чай, шоколад и табак. Вознаграждение Варгина было фиксированным – 8 копеек с одного рубля проданного товара. Желающие могли остаться в герберге на ночлег и получать обеды по установленному прейскуранту. Азартные игры, например карты, были в Гатчине запрещены, поэтому в гербере был установлен бильярдный стол, за пользование которым взималась плата 5 копеек за партию в дневное время, а ночью это удовольствие обходилось в два раза дороже по причине необходимости освещать помещение свечами. Запрещалось пускать в трактир крестьян, солдат, дворовых людей и «засорных женщин». За нарушение этого правила трактирщик подвергался штрафу в 25 рублей, которые шли в пользу бедных и сирот. Приказчик при трактире должен был быть из купеческого сословия, а работники – из посадских, и обязательно с паспортами. Нанимать на работу крестьян строжайше запрещалось.

Управление городом было организовано на немецкий манер. Городская ратуша ведала городским хозяйством. Полицейское управление занималось обеспечением правопорядка на вверенной ему территории, а Съезжая часть, состоявшая из регулярных пожарных, следила за пожарной безопасностью в городе, застроенном в основном деревянными домами. Тут нужно сказать, что такой административный орган, как Съезжая часть, совмещал в себе надзорные функции и обеспечение противопожарной безопасности, так что улица, на которой находилось здание части, недаром называлась Полицейской.

Высочайший указ от 19 ноября 1793 года положил начало не только организации Судебно-полицейского управления в Гатчине, но и упорядочению земельных отношений в пределах городской черты. Эта проблема стала возрастать с увеличением численности обывателей и развитием городского хозяйства. Так как все земли бывшей Гатчинской мызы перешли в собственность великого князя, а это были либо сельскохозяйственные угодья, либо леса или болота, то участки под застройку выделялись только по его распоряжению. Поэтому закон, закреплявший расширение городской территории и упорядочивавший отношения землепользования и землевладения, был наиважнейшим в истории Гатчины. С этого времени стали появляться частные домовладельцы и соответственно начал формироваться рынок жилья. Здесь важно отметить, что большая часть этих горожан были ремесленниками, подрядчиками или людьми, занимавшимися промыслами. Вышеупомянутым указом были образованы полицейские комиссии – коллегиальный судебный орган для разбора уголовных дел независимо от сословия. Хотя в законе была оговорена привилегия для «почтенных» жителей города: они могли не являться на заседание комиссии, а действовать через поверенного. Под «почтенными» горожанами подразумевались близкие к князю лица. Решение в комиссии принималось простым большинством голосов и было обязательно для всех участников. Второй важной обязанностью полицейской комиссии был контроль не только за запасами продуктов питания в городе, но и за ценами на них. Среди других забот городских полицейских было назначение таксы за торговлю съестными припасами, надзор за рынками, контроль за чистотой и исправностью мостовых, решение вопроса с бродягами и нищими, регулирование продажи крепких спиртных напитков. В общем, обычные полицейские функции, многие из которых находятся в ведении полиции и в наши дни.

Император Павел I

Город разделялся на четыре части: Ингербург, Большой проспект, Бомбардирская улица (слобода) и Малогатчинская. И хотя две части имеют в названии указание на принадлежность к городским магистралям, но при Павле I это все же были отдельные городские поселения, при которых начинали формироваться проспекты и улицы, объединенные в один

прекрасный момент в общее городское поселение. Главная городская магистраль – Большой проспект (ныне – проспект 25 Октября) – частично освещалась керосиновыми фонарями и была вымощена булыжником.

Происходили перемены и в самой великокняжеской резиденции – к Большому дворцу были пристроены два больших корпуса, а внутри него велись отделочные работы.

Так как строительство шло в это время и в другом имении, принадлежащем великокняжеской чете, – Павловске, то постоянно возникало некоторое соперничество между ним и Гатчиной, между строительными проектами Павла и художественными предпочтениями его супруги, Марии Федоровны. «С течением времени Гатчина приобрела отпечаток личного вкуса и наклонностей Великого Князя в такой же степени, в какой Павловск, тоже подарок Императрицы, был отражением внутренней жизни Марии Федоровны», – писал историк города С.В. Рождественский. Да и сама великая княгиня в письмах подтверждала незримое соперничество двух столь разных в архитектурном плане дворцово-парковых ансамблей: «Гатчина соперница весьма опасная, и необходимо приложить всю вашу (Кюхельбекера. – *Прим. авт.*) деятельность и усердие, чтобы Павловское могло бы выдержать сравнение».

Архитектор В. Бренна

После того как Гатчина перешла в собственность цесаревича, к работам по переустройству резиденции приступает, как мы уже говорили, архитектор Винченцо Бренна, с которым будущий император познакомился во время четырнадцатимесячного заграничного путешествия, совершенного им с супругой под именем графа и графини Северных. С именем Бренны связан важный этап в судьбе Гатчинского дворцово-паркового ансамбля, изменение внешнего облика Большого дворца, появление в парке павильонов Венеры и Орла, Лесной оранжереи, террасы-пристани. Бренной сформирована площадь с обелиском Коннетабль, парадные ворота и мосты при дворце, а также здание конюшен, расположенное рядом с

резиденцией. Да и сам парк претерпел некоторые изменения, особенно после работы там мастеров Дж. Гакета и Ф. Гельмгольца.

Архитектор Бренна, получивший на русской службе имя Викентий Францевич, появился в России в 1780 году при обстоятельствах, изложенных позднее самим зодчим в письме к императору Александру I: «Ее императорское величество Ваша августейшая матушка во время своего путешествия оказала мне честь, пригласив вступить в ее службу в качестве живописца и архитектора; я привез с собой моего юного ученика Франца Лабенского, находящегося сейчас при Эрмитаже. Я был представлен его величеству императору Павлу I, тогда еще великому князю, и был принят в его службу». Первое время Бренна работает в Павловске, занимаясь росписями плафонов. Главным архитектором этой резиденции был в то время Чарльз Камерон, но бывал он в Павловске весьма редко из-за нехватки времени, так как занимался строительством в Царском Селе. Великая княгиня Мария Федоровна, видя, что работы в Павловске практически прекратились, обратилась было к Кваренги, но тут Викентий Францевич предложил свои услуги уже как зодчего и обязался взять на себя все работы по убранству недавно возведенного дворца. Но так как в то же время требовалось провести реконструкцию дворца в Гатчине, то Павел I отправил архитектора туда.

Среди архитекторов, работавших в Гатчине в конце XVIII века, следует упомянуть А.Д. Захарова, выполнившего ряд построек в парке, Н.А. Львова, занимавшегося возведением увеселительных объектов в Зверинце, А.Ф. Виолье, построившего знаменитый березовый домик, и В.И. Баженова, разработавшего проекты строительства замковых сооружений, не воплощенных, правда, в жизнь. Среди строителей Гатчины времен Павла I Д. Висконти, автор Малого и Трехарочного мостов, а также террасы на Карпином пруде. К.А. Пластин, выходец из крестьян, был подрядчиком на строительстве Оранжереи, Большой террасы, Сильвийских и Березовых ворот. Этому талантливому человеку принадлежит и заслуга в строительстве Коннетабля и верстовых столбов в городе.

Среди гатчинских садовников особое место занимает английский мастер Джеймс Гакет, который поступил на службу к графу Г.Г. Орлову в начале 1770-х годов, продолжил свою работу при Павле и в возрасте 96 лет скончался в 1833 году в Гатчине, о которой писал: «Судьбе угодно было устроить, чтобы я, будучи иностранец, нашел себе новое любезное отечество – Россию и постоянное жительство в Гатчине...»

Недолгий срок правления Павла I закончился, как мы знаем, в марте 1801 года, и новый, XIX век стал для Гатчины обычным, рядовым, не таким ярким, как предыдущее столетие – время расцвета дворцово-паркового ансамбля, эпоха становления города. В новом столетии дворец и парк будут крепко связаны с историей Романовых, временами становясь синонимами царствующего дома. Но об этом – в следующих главах.

Первый смотритель Гатчинского дворца-музея Владимир Кузьмич Макаров писал: «Хозяин... комнат – человек беспокойный, сложный, много читающий, думающий и пишущий, мистик, любитель искусств, солдат и политик. Для понимания человека конца XVIII века, искушенного знаниями, но связанного традициями, комнаты Павла дают незаменимый материал».

Глава 4

Гатчинский дворец

Центральной постройкой резиденции стало здание дворца, выполненное в виде охотничьего замка, словно вырастающего среди густой зелени окружающих его парков. Тут, безусловно, сказалось влияние другого европейского дворца-замка, в постройке которого Антонио Ринальди принимал участие (на начальном этапе) вместе с итальянским зодчим Луиджи Ванвителли. Речь идет о Королевском дворце в Казерте, городке на юге Италии, ныне являющемся пригородом Неаполя. Огромное здание (1200 комнат) резиденции неаполитанских королей впитало в себя не только итальянские, но и испанские традиции строительства укрепленных дворцов-крепостей, что сказалось на форме здания, обработке его фасадов и расположении на местности. Грандиозные работы, ради которых был даже перенесен на 10 километров город, закончены не были. Так и не появилась величественная 20-километровая аллея, которая вела к дворцу, хотя был разбит парк с длинным каскадом и фонтанами – один из крупнейших регулярных парков Европы.

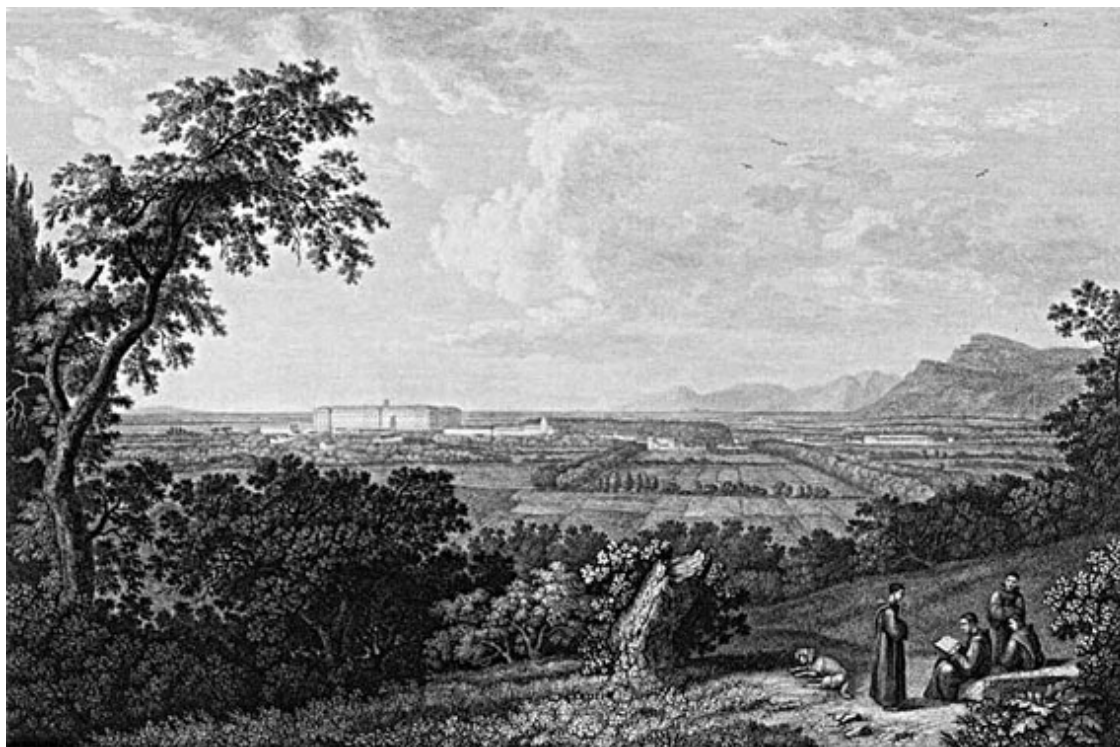
Сравнение внешнего облика дворца в Гатчине с лучшими образцами итальянского зодчества того времени говорит о том, что влияние аппенинской архитектуры на Ринальди было безусловным, да и заказчик поддерживал это направление в строительстве своей загородной резиденции. Конечно, Антонио Ринальди, используя определенные приемы зодчих своей родины, создал удивительный по пластике и композиции загородный дворец с совершенно оригинальной для второй половины XVIII века архитектурой.

Большой Гатчинский дворец. Главный корпус

Для расположения основного здания архитектор выбрал самую высокую точку территории мызы. К Серебряному лугу и озеру обращен северный фасад дворца, а южный, закрывая собой вход в парк, обрамляет парадную площадь, раскрываясь всей своей мощью и раз-

мерами (длина – более 270 метров) перед посетителями. Средний, центральный корпус в три этажа, исполнен в виде прямоугольника, на двух углах которого со стороны парка высятся пятигранные башни – Часовая и Сигнальная, состоящие из пяти ярусов. Со стороны парадной площади устроены входные дверные проемы в виде арок и обширный балкон по второму этажу. Название башен связано с их функциональными особенностями: на Сигнальной (левой) был установлен громоотвод, созданный академиком Эйлером; на Часовой (правой) – башенные часы. Главный корпус соединяется полуциркульными галереями, сооруженными на месте мраморной колоннады, которые примыкают к одноэтажным служебными дворам – Кухонному и Конюшенному. Углы каре завершаются восьмигранными башнями, которые на два этажа ниже башен Главного корпуса, а две из них, примыкающие к полуциркульным галереям, покрыты куполообразной кровлей. Одна из них (левая) увенчана золоченым православным крестом – в этой части дворца располагается домовая церковь, которая в результате реконструкции под руководством архитектора Бренны получила новый резной иконостас. Эти башни придали всему ансамблю целостность и завершенность. В 1796 году зодчий приступил к перестройке колоннад, причем, как следует из документов того времени, работы производились в большой спешке, и по причине острой нехватки рабочих рук к строительству привлекли солдат (гренадер) из гатчинских частей, выплачивая ежедневно по 60 копеек каждому. Тогда же служебные корпуса, служившие при графе Орлове кухней и конюшней, надстроили двумя этажами, при этом они изменили свое назначение: например, в бывших конюшнях разместили библиотеку и арсенал, куда по приказу Павла I перенесли большую коллекцию пистолетов производства многих стран Европы, различные виды оружия и оружейных принадлежностей. Кроме того, в этих зданиях появились и покои членов императорской фамилии.

Италия. Казерта. Королевский дворец

В центральной части главного корпуса находились личные покои членов семьи цесаревича (позже императора) и парадные залы дворца.

Одна из особенностей Большого Гатчинского дворца заключается в том, что, образуя единый ансамбль, здание при этом состоит из отдельных изолированных частей, и его планировка лишь подтверждает это.

Отделка фасадов проработана авторами проектов очень тщательно, особенно это касается центральной части дворца, где Ринальди продемонстрировал сочетание своей любви к деталям «со свойственной, – по мнению Д.А. Кючарианца и А.Г. Раскина, – зодчему мягкой, хочется сказать – трепетной пластикой».

Италия. Казерта. Каскад в парке

Первый этаж Главного корпуса с южной стороны украшают пилястры дорического ордера, продолжаясь на галереях каре, а оконные проемы занимают большую часть площади простенков между ними. Окна центральной части первого этажа прямоугольные, с декором в виде простого наличника и заглубленного панно в верхней части. В галереях оконные проемы как первого, так и второго этажа полуциркульные. Окна второго этажа главного здания имеют более богатый рисунок наличников, завершающийся рельефной выкружкой, а его парные пилястры переходят в галереях в ионические полуколонны, соединенные между собой в подоконной части балюстрадой. Парадный вход в центре здания, к которому ведет пандус, решен в виде чередующихся полуциркульных и прямоугольных проемов; дополнительные полуциркульные входы решены в виде двух небольших портиков по центру полукруга галерей и двух портиков на их торцах. Портики декорированы двумя колоннами дорического ордера, установленными на постаменты, и завершаются по уровню второго этажа неширокими балконами с чугунными решетками ограждения. К портикам ведут наружные, устроенные по высоте цоколя здания лестницы из гранита. По краям парапета, ограждающего подъезд к центральному входу здания, установлены две мраморные скульптуры: аллегории «Бдительность» и «Благоразумие» («Осторожность») работы венецианских скульпторов Дж. Б. Маркиори и Дж. М. Морлайтера. Статуя «Благоразумие» – двуликая женщина, идущая по лаврам и смотрящая при этом в зеркало, вокруг ручки которого обвилась толстая змея, с лежащим у ее ног длиннорогим оленем, – чрезвычайно сложна по символическому значению своих атрибутов. Двуликость «Благоразумия», старческое лицо которого обращено назад, означает, что для предвидения будущего обязательно знание прошлого. Голову статуи венчает шлем, увитый тутовой ветвью, – первый символизирует необходимость руководствоваться в своих делах велениями разума, здравого смысла, что убережет человека от многих неприятностей. А тутовое дерево, по словам поэта Альчито, – самое предусмотрительное: оно не развернет своих листьев до тех пор, пока холода не прой-

дут окончательно. Вокруг ручки зеркала обвилась змея-рыба Ехидна, которая, по Плинию, может остановить корабль, если обовьется вокруг него. Таким образом она олицетворяет задержку, присущую благоразумию. То же значение оленя, лежащего у ног статуи: он бежит по лесу на своих длинных ногах быстрее всех, но его большие рога цепляются за ветви, что замедляет движение. К тому же он пережевывает жвачку, что символизирует размышление, предшествующее деянию.

Арсенальное каре

Статуя «Бдительность» – это женщина, в правой руке которой книга и ветвь, а в левой – зажженный светильник. Рядом с ней стоит цапля, самая бдительная из птиц, с камнем в поднятой лапе. Книга символизирует бдительность души, которую можно обрести, изучая науки. Ветвь (или прут), так же как и горящий светильник, способны разбудить спящего и напоминают, что бдительность особенно важна во время отдыха и сна. А цапля, стоящая с камнем в лапе, символизирует ответственность человека за собственную жизнь и ее безопасность. Как писал античный автор: «О цапле говорят, что когда они летают стадами, то для совместного отдыха устраиваются так, что одна стоит и держит камень в поднятой лапе, и другие, пока он не упадет, уверены, что их оберегает бдительность товарища, а когда падает, что происходит, лишь когда стража заснет, – то от шума просыпаются и улетаются прочь».

Дж. Мерлайтер. Благоразумие

Третий этаж дворца самый простой в архитектурном плане: наличники повторяют рисунок первого этажа, как и пилястры, а завершается он парапетами из кованной ажурной

решетки, соединяющей каменные тумбы и пять аттиков, отмечающих входы в здание. Межэтажные карнизные пояса проходят по всем фасадам здания.

Башни каре обеспечивают удачный переход от фасада главного здания к фасадам Кухонного и Арсенального корпусов. Массивные стены, повторяя отчасти убранство центрального корпуса дворца, заглушают плавное течение линий и ритмичность пилястр, а купольное завершение с восьмигранным фонариком наиболее точно соотносится с волнообразными линиями второго этажа.

И. Маркиори. Бдительность

Фасады каре усиливают общее восприятие монументальности всего здания, хотя и выглядят тяжеловато, особенно в перспективе Главного корпуса. Ряды однообразных пря-

моугольных окон первого и третьего этажей разбавлены квадратными оконными проемами второго этажа; пилястры корпусов повторяют подобные украшения центральной части. Ритмичность оконных проемов на сильно вытянутой стене придает всей композиции необходимую динамику. Разделение каре одним межэтажным карнизом, в результате чего первый и второй этажи по фасаду были объединены в один, смягчает восприятие этих частей здания в общем ансамбле южного фасада дворца и зрительно связывает части постройки Антонио Ринальди с более поздними дополнениями архитектора Бренны. Дополнительными элементами архитектурного убранства угловых башен служат руст на их гранях и круглые оконные проемы верхних ярусов, повторенные по типу круглых окон Часовой и Сигнальной башен.

Важным дополнением южного фасада дворца являются фортификационные сооружения, расположенные в этой части территории, – крепостной ров, перекинутые через него два моста, которые во времена Павла были подъемными, и бастионная стена с отверстиями (амбразурами) для орудий. Эти элементы защиты лишь усиливают впечатление крепостной мощи дворца, а установленная на плацу перед ним статуя Павла I работы скульптора И.П. Витали служит началом композиционной оси всего здания. Завершает общую картину площадь, ограниченная с одной стороны гранитом бастиона, а с трех других – стенами дворцового здания. Этот парадный плац площадью около 10 тысяч квадратных метров предназначался для проведения военных парадов, смотров войск и занятий строевой подготовкой.

Противоположный, северный фасад дворца имеет свои особенности, обусловленные как архитектурой и планировкой здания, так и рельефом местности, и выходит к парку и Серебряному озеру. Отсюда Главный корпус выглядит как грозная средневековая крепость с башнями по краям. Так как здание стоит на холме, то каре практически не видно, что усиливает общее восприятие компактной и довольно высокой центральной части дворца, самой старой из всех существующих.

Памятник Павлу I

Северный фасад дворца и Терраса-пристань. С открытки начала XX в.

Архитектурное убранство северного фасада то же, что и южного. По центру первого этажа здания расположено пять полуциркульных дверных проемов и два прямоугольных; средняя дверь решена в виде скромного портика дорического ордера, завершенного балконом на уровне второго этажа. Его чугунное кованое ограждение смягчает в целом строгий вид всего здания. Оформление проемов наличником завершается на своде замковым камнем. Две мраморные статуи «Война» и «Мир» на небольших постаментах у стены, выполненные уже упоминавшимися мастерами Дж. Б. Маркиори и Дж. М. Морлайтером, служат украшением северного фасада Гатчинского дворца. К фризу портика прикреплена памятная медная доска, текст которой гласит: «Заложен в 1766 мая 30. Окончен 1781 года». Стены фасада расчленены по первому этажу пилястрами дорического ордера, окна в простом обрамлении. Второй этаж декорирован ионическими пилястрами, прямоугольные оконные проемы имеют наличники с усложненным барочным рисунком, а выход на балкон украшен выступающим полукруглым карнизом. Как и во всем здании, последний этаж завершен чугунной балюстрадой и аттиком ровно по центру фасада.

Со стороны озера и парка хорошо просматриваются Сигнальная и Часовая башни Гатчинского дворца – основные доминанты дворцово-паркового ансамбля. У них строгий вид: простые прямоугольные окна, обрамленные такими же наличниками по третьему и четвертому этажам, ограничены по углам башенных плоскостей лопатками; первый и второй этажи повторяют рисунок пилястр дорического и ионического ордера соответственно. Круглое окно последнего, пятого этажа эффектно украшено выступающим полукруглым карнизом, и именно оно и придает дворцу сходство со средневековым замком, как и плоская кровля башен, спрятанная за небольшим сплошным стилизованным под бруствер без зубцов каменным ограждением.

В несколько ином ключе решены парковые фасады полукружий галерей, имеющие членение уже на три этажа и украшенные вытянутыми пилястрами дорического ордера на первые два этажа и ионического – в третьем.

От северного фасада в сторону парка спускается широкая гранитная лестница, центр которой соотнесен с портиком и центральной срединной осью Главного корпуса.

Все здание Большого Гатчинского дворца облицовано местным пудостским и парицким камнем, который придает зданию своеобразный желтоватый цвет, меняющий свой оттенок в зависимости от погоды и особую фактуру, которая и делает его схожим с европейским замком; сочетание общей архитектуры здания с его каменной «одеждой» удивительно органично. Каменная облицовка скрывает под собой кирпичные стены, и кажется, что, подобно многим творениям древности, замок в Гатчине сложен из цельных каменных блоков.

На первом этаже Главного корпуса

Парадная лестница

Войдем во дворец и познакомимся с ним, так сказать, изнутри. Двадцатый век не пощадил дворцовые интерьеры, которые и так постоянно менялись на протяжении всего XIX века. В двух залах сохранились лишь некоторые элементы первоначальной отделки, осуществленной по замыслу великого зодчего Антонио Ринальди. Первым помещением, куда попадали посетители дворца, был вестибюль с высоким цилиндрическим сводом и стенами, облицованными пудостским камнем. Лопатки, идущие от пола до выступов подпружных арок, делят плоскость его стен на части, убирая излишнюю монотонность на сравнительно больших пространствах зала. Каменная облицовка здесь весьма кстати – впечатление от фасадов здания усиливается подобным интерьером внутри дворца, усиливая его сходство с рыцарским замком. Но впечатление посетителей от каменных стен зависело от освещенности. Более приветливый в солнечном свете, Вестибюль в сумерках выглядел мрачно и тяжеловесно. Вот как передает свои ощущения после визита в Гатчинский дворец знаменитый русский адвокат А.Ф. Кони: «В начале ноября (1892 г. – *Прим. авт.*) я должен был представляться государю в Гатчине. В тоскливый, серый день представлявшиеся были привезены в неуклюжий дворец и, вследствие какого-то особого доклада у государя, вынуждены были ожидать приема часом позднее обычного, бродя по неприветливой и полутемной зале под сводами в нижнем этаже дворца».

Нижняя Тронная Павла I. С картины Э.П. Гау

На первом этаже Главного корпуса Гатчинского дворца располагались как парадные и служебные помещения, так и личные покои Павла Петровича.

Справа от центрального входа находилась Кавалергардская, или Приемная, в которой круглосуточно несли караул кавалергарды. Следующая комната была Нижней Тронной цеса-

ревича, за которой находились комната дежурного офицера и специальное помещение для знамен расквартированных в Гатчине воинских частей, – Знаменная. Кроме них на первом этаже находились: Туалетная Павла, по которой проходила винтовая лестница из подвала до последнего этажа Главного корпуса, Овальный кабинет и Башенная комната.

Слева – Собственная кофеишная и Официантская – бытовые помещения для обслуживающего персонала.

Из Вестибюля в бельэтаж (второй этаж) к главным официальным помещениям дворца ведет Парадная лестница, выполненная Ринальди в строгом стиле, с широкими маршами, обилием света из многочисленных больших оконных проемов. Ее ступени сделаны из готландского порфира, стены украшены живописными панно 40-х годов XIX века работы С.Ф. Щедрина и А.Е. Мартынова. На промежуточных площадках расположены входы в Арсенальную и Чесменскую галереи, находящиеся на втором этаже западного полукружия, а парадные залы дворца начинается Аванзал, или Приемная.

Бельэтаж традиционен для европейской дворцовой архитектуры XVIII–XIX веков. Здесь проходили официальные приемы, и его убранство и планировка связаны с особенностями придворного церемониала и статусом владельцев дворца. Собственно, это и стало причиной реконструкции орловского замка и изменения некоторых его частей под нужды наследника русского престола. Главным помещением в итоге реконструкции стала Верхняя Тронная Павла I, от которой начиналась первая анфилада комнат и залов: Мраморная столовая, Аванзал, Проходная, Белый зал, Тронная Марии Федоровны. Вторая анфилада тоже шла от Мраморной столовой, далее следовали: Тронная Павла, Гостиная Марии Федоровны, Парадная спальня, Овальная будуар и Кабинет. От Овальной будуара – третья анфилада, состоящая помимо самого будуара из Туалетной, двух проходных комнат и Тронной Марии Федоровны. Важными элементами парадной части здания были три галереи – Арсенальная, Чесменская (западная) и Греческая (восточная), причем к последней примыкала комната Ротари.

Аванзал примыкает непосредственно к Парадной лестнице и, несмотря на многочисленные переделки, кое-что сохранил от Ринальди – классический карниз с кронштейнами, розоватый искусственный мрамор наличников, перекрытия с хорошо развитыми падами и рисунок паркета в виде экзотического цветка, с большими завитками и ромбом в центре композиции. Комната подверглась реконструкции – стены расчленили тонкими тягами, а в простенки поместили три большие живописные работы, ставшие неотъемлемой частью декора зала. Выбор картин не был случайным. Большой портрет Павла I в облачении гротмейстера (главы) Мальтийского ордена кисти итальянского живописца Сальваторе Тончи вызывал у посетителей неоднозначное чувство, когда они видели императора в мистическом образе главного рыцаря Европы. Да и самому императору было приятно видеть себя в этом амплуа. «Изгнание из рая» Луки Джордано могло восприниматься как намек на долгое затворничество великого князя, соперничавшего с матерью за право на престол. Последнее полотно работы Жозефа Берне «Буря» напоминало о характере Павла Петровича.

Аванзал. С картины Э.П. Гау

При Бренне появились новый живописный овальный плафон с изображением Марса, преклонившего колена перед богиней войны Беллоной, которая в римской мифологии считалась его матерью (иногда – сестрой или кормилицей), а на падугах – лепные гирлянды перевитых лентами лавровых ветвей, шлемы древнеримских воинов. Углы плафона украшены гипсовыми вставками, в композиции которых эффектно представлены щиты с изображением орлов, головы медузы Горгоны, знамена и оружие. Он погиб в 1944 году во время пожара, и реставраторы в послевоенное время поместили на его место декоративное полотно «Вера и Любовь» неизвестного русского художника XVIII века. Над воссозданием живописи работала группа художников под руководством Я.А. Казакова. Не сохранился в Аванзале и редкой красоты камин из черного мрамора, также пропавший в годы оккупации Гатчины фашистами. Руководителями восстановительных работ было принято решение установить здесь камин из белого с прожилками мрамора и лазурита работы мастеров XVIII века, который в разбитом виде хранился в Академии художеств. Собранный и отреставрированный стараниями мастера С. Семенцова шедевр органично вписался в интерьеры зала.

Среди предметов мебели Аванзала отметим стулья в стиле чиппендейл¹, ломберные столики и ящик для дров.

¹ Стиль назван в честь британского краснодеревщика середины XVIII века Томаса Чиппендейла.

Мраморная столовая

Барельеф Антонио Ринальди. Ф. Шубин

Небольшая комната, примыкающая к Аванзалу, – это Проходная Ринальди. Ее потолок украшен орнаментальной лепкой, разделяющей плоскость на симметричные панно, а средняя часть выполнена в виде куполообразного эллипса. Проходная была восстановлена после пожара 1944 года, в частности реставраторы вернули мраморную облицовку желтоватого цвета наличников дверных проемов. В целом убранство этой комнаты значительно проще, чем соседних залов, по причине ее назначения. Одним из украшений, можно сказать, достопримечательностью Проходной служит мраморный барельеф с погрудным профилем архитектора Ринальди с циркулем в руке работы скульптора Ф. Шубина, установленный в память о работе мастера на Гатчинской мызе графа Орлова.

Из Приемной мы переходим в просторную и нарядную Мраморную столовую (в ней шестнадцать коринфских колонн из мрамора). Углы столовой украшены одиночными колоннами, а парные установлены в простенках оконных проемов и на противоположных им стенах. Изящные каннелюрированные стволы колонн установлены на высоких прямоугольных пьедесталах, одной стороной соприкасающихся со стенами, и образуют общий массив по всей длине комнаты. У основания колонн можно видеть два валика, а капитель поддерживает фриз причудливого узора, плавно переходящий через фигурный карниз в изумитель-

ную лепнину потолка. Буфетная отделена полукруглой мраморной балюстрадой из трех секций, которая связывает между собой колонны на выступах стен. На тумбах, соединяющих ограждение этой части Мраморной столовой, установлены декоративные мраморные вазы, а дополнительным украшением стен служат сандрики с консолями и широкий фриз в виде скульптурного панно с мифологическими сюжетами. Пространства над окнами также заняты лепными панно, а стены декорированы лепкой из изящных переплетающихся ветвей лавра. За балюстрадой на постаменте находится мраморная скульптура XVIII века – копия с античного оригинала Лисиппа «Эрот, натягивающий тетиву лука».

До Великой Отечественной войны потолок украшали центральный плафон «Аполлон и музы» работы художника Г. Лохова и живописная работа неизвестного автора «Вакс и Ариадна», но во время войны эта живопись исчезла, и реставраторы заменили их полотнами работы мастеров XVIII века из запасников Эрмитажа. Над Буфетной расположена картина «Селена и Эндимион» – копия с работы С. Торелли; центральную часть потолка занимает полотно неизвестного художника второй половины XVIII века «Вера и Надежда».

Наборный паркет из редких сортов дерева был также воссоздан мастерами-реставраторами под руководством Е.Ф. Кудряшова во время работ по восстановлению дворца. Его композиция повторяет геометрию потолочного декора, гармонично сочетаясь с общим оформлением столовой.

Обращает на себя внимание мраморный камин у восточной стены зала. Он украшен зеркалом, рама которого завершается изображением грифонов (эмблема дома Романовых), поддерживающих медальон с фигурой танцующей вакханки. Общая площадь этого парадного помещения – 110 квадратных метров. Торжественная и богато декорированная Мраморная столовая использовалась для проведения торжественных обедов, а к тому же выполняла и очень важную «эстетическую» функцию – предваряла вход в Верхнюю Тронную Павла – место официальных приемов. Бренна, перестраивая кабинет Григория Орлова в Тронную, проявил большую изобретательность и тонкое чутье мастера. Будучи главным залом дворца, Тронная имеет относительно маленькую для подобных помещений площадь – всего пятьдесят квадратных метров; декор этой комнаты времен Ринальди состоял из растительных орнаментов, скомпонованных с корзинками и вазами с цветами. Бренна, решая вопрос о придании залу нужного помпезного государственного стиля, решил использовать декоративное убранство, которое и должно было задавать необходимый тон всей архитектуре Тронной.

Тронная Павла I. Элемент декоративного убранства

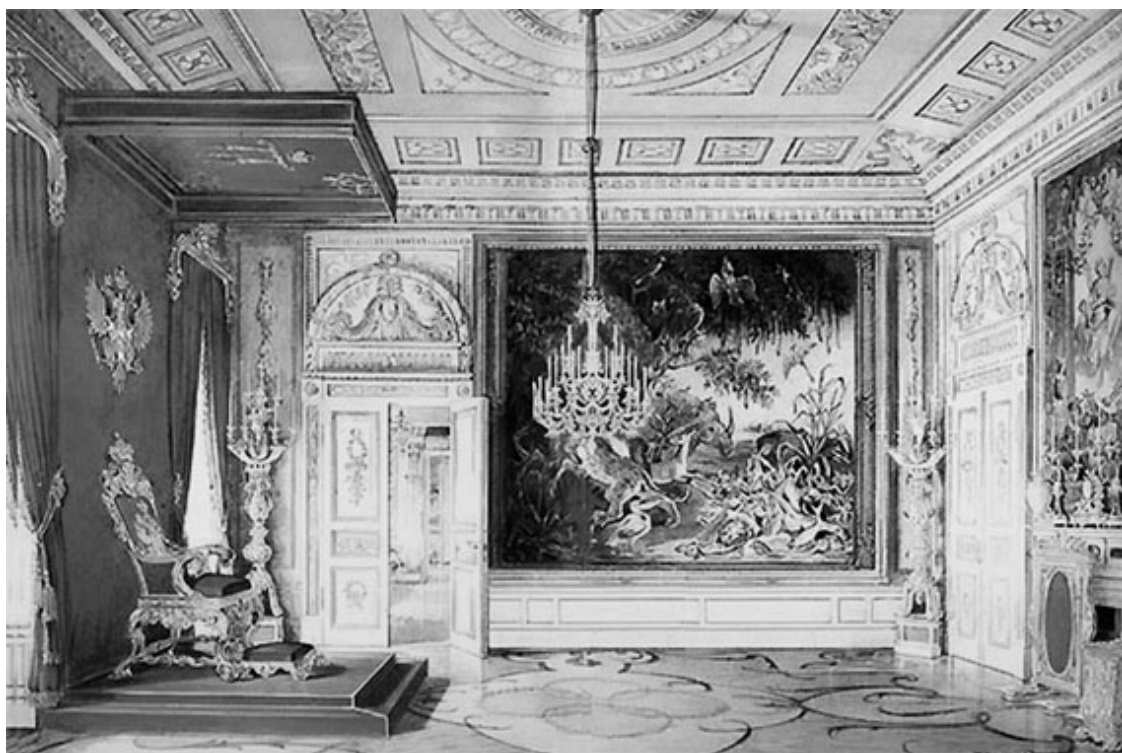

Тронное место

Двери зала были декорированы архитектором золочеными рельефами в виде венков и масок, перевитых лентами, садовыми вазами и цветами. Пышное убранство пространства над дверными проемами (дубовые ветви, маски, крылатые драконы, рога изобилия) допол-

няло их торжественный, праздничный вид. Стены украшены рельефами гирлянд из белых цветов и венков, покрытых позолотой. В отделке Тронной зодчий использовал и гобелены. Два из них – «Зебра» и «Двое слуг несут вождя» (по картонам Ф. Депорта) из серии «Новые Индии» были созданы в 1780-х годах в мастерской Ж. Нейльсона и занимают две стены Тронной, а третий – «Церера» из серии «Портьеры богов» по картону К. Одрана расположен над мраморным камином прямо напротив окна.

Потолок декорирован позолоченной лепниной из венков, гирлянд, розеток. В лепном убранстве Верхней Тронной присутствуют древнеримские орлы и крылатые женщины-сфинксы. При переделке кабинета графа Орлова архитектор Бренна, меняя стены и потолок для устройства центрального зала дворца, оставил тем не менее на полу наборный паркет Антонио Ринальди (воссоздан в ходе реставрации) с использованием палисандра, амаранта, розового дерева, яблони и груши. Рисунок паркета состоит из фигурной сетки ромбов, переплетенных венков, побегов, листьев и ветвей.

Верхняя Тронная Павла I. Акварель Э.П. Гау

Украшение одного из переходов второго этажа

В пространстве между окнами на полу устроен подиум, обтянутый темно-малиновым бархатом, на котором высится резной позолоченный трон работы придворного мастера конца XVIII столетия Х. Мейера, с обивкой того же цвета и с подставкой для ног. Стена позади тронного места убрана темно-малиновым полотном из ткани в золоченой раме.

Миновав небольшой темный коридорчик, попадаем в Малиновую гостиную – парадный зал, сравнимый с Тронной не только по площади, но и по богатству отделки. Свое название она получила благодаря трем малиновым гобеленам из серии «История Дон Кихота», украшающим ее стены. Эти произведения ткацкого искусства были подарены в 1782 году

королем Франции Людовиком XVI великому князю Павлу Петровичу и великой княгине Марии Федоровне. Гобелены изготовлены на Королевской мануфактуре в 1776–1780 годах П. Козеттом и К. Одраном по картонам Ш. Куапеля. Сейчас во дворце выставлен только один гобелен из этой серии – «Въезд Санчо Панса на остров Баратарио». Два других до сих пор находятся в Павловском дворце.

Стены, потолок и двери украшены золочеными деталями. По верху идет довольно сложный карниз с орнаментом из аканта. В отделке потолочной части использованы квадраты с розетками, изображения античных музыкальных инструментов и растительный декор с линиями меандра. Общая композиция потолка повторяется в линиях паркета, с венком в центре и орнаментом растительного характера. В процессе реставрации паркет был воссоздан по рисункам Антонио Ринальди из ценных пород дерева.

Парадная опочивальня

Дополняют общее убранство комнаты тяжелые золоченые рамы гобеленов, резная мебель XVIII века из Франции, обитая малиновым бархатом и сверкающая позолотой деревянных частей. В зале находится стол-треножник работы русских мастеров конца XVIII столетия из яшмы, служивший местом возложения императорских регалий: государственной печати, скипетра и державы.

Следующее помещение – Парадная опочивальня – также входило в систему представительских помещений дворца. Она немного больше (72 квадратных метра) соседних помещений, а декоративное убранство этой комнаты вполне соответствует ее назначению. Это помещение использовалось для отдыха еще во времена графа Орлова, но впоследствии было дополнено некоторыми элементами, например, украшенной великолепной резьбой кроватью с балдахином работы известного французского мебельщика А. Жакоба, которую ограждала белая с золотом балюстрада. Перед кроватью на столике под стеклянным колпаком находилась императорская корона Павла I.

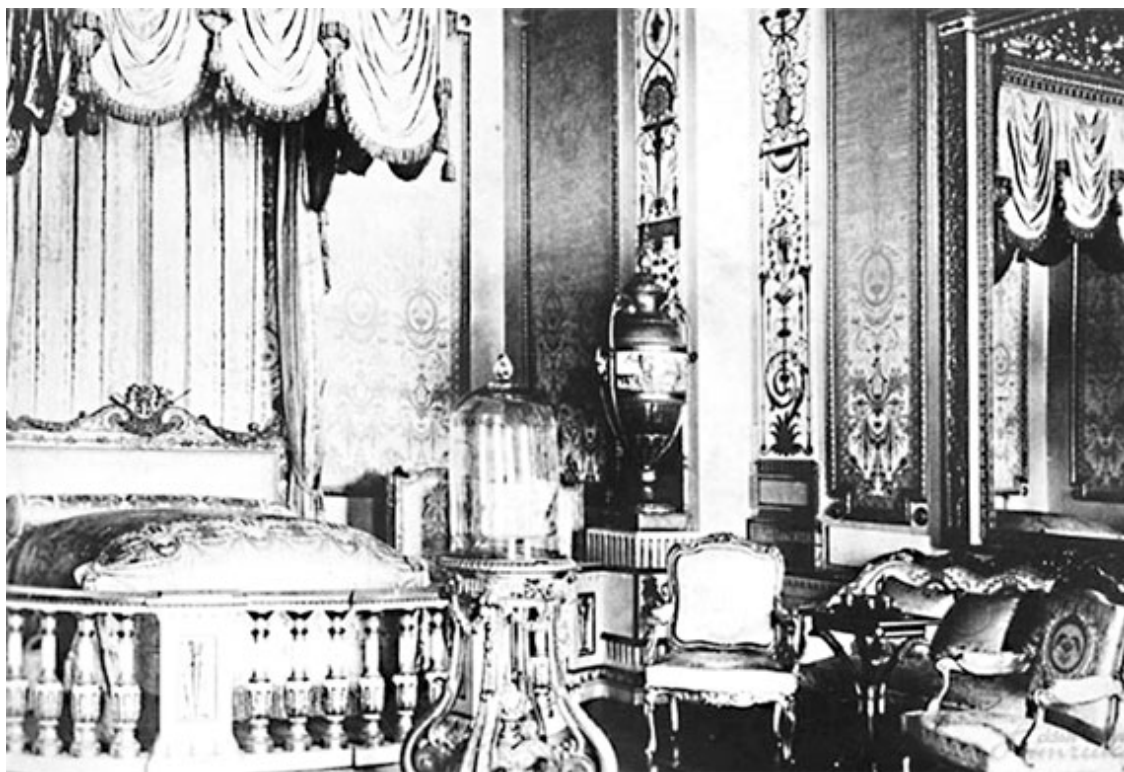
Два окна Опочивальни выходят в парк, а противоположную часть комнаты еще Ринальди оформил в виде алькова.

Стены Опочивальни декорированы пилястрами из искусственного мрамора; свободные части стен затянуты светло-голубым штофом в золоченых рамах. Рисунок ткани, затканной серебряными нитями, состоит из композиций ваз с цветочными гирляндами, листьями аканта, лирами и фонтанами. Восемь пилястр расписаны цветными красками по белому мрамору польским живописцем Францем Лабенским, главным хранителем картинной галереи Эрмитажа. Его рисунок, который принято называть гротеском, тематически связан с рисунком штофа – листья аканта, цветочные венки, вазы, консоли, античные фигурки. Особенностью пилястр Парадной опочивальни является то, что валюты капителей заменены розетками в виде цветков подсолнечника. Цоколь комнаты выделен золоченым карнизом. Комнату украшают два больших прямоугольных зеркала, одно из них расположено над мраморным камином. Рамы зеркал с богатой отделкой имеют полуциркульные завершения верхней части с золочеными барельефами фигурок путти. Общей концепции комнаты вторит и отделка дверных проемов, также завершенных в верхней части лепным барельефом – «Марс и Венера». Резной декор дверных полотен соответствует духу рисунка стен и пилястр, а сложный профилированный сандрик завершает общую композицию. Белая балюстрада с балясинами и тумбами золотого орнамента аналогична ограждению в спальне короля Франции Людовика XVI в Версале. В конце XIX века французский шелк заменили на новый, с историческим рисунком, произведенный уже в России, на фабрике Сапожниковых.

В центре потолка – круглый плафон «Свадьба Психеи» в золоченой раме, выполненный художником Габриэлем Дуайеном в 1799 году на сюжет Апулея, древнеримского писателя II века. Он считался лучшим из живописных плафонов дворца. Дополнительным украшением потолка служит позолоченная лепнина в виде фризов, растительных орнаментов и цветочных гирлянд. Над окном находилось мозаичное изображение католического святого Франциска из Паулы. Работа была выполнена в мастерской М.В. Ломоносова одним из лучших его учеников Матвеем Васильевым.

Дополнительным украшением Парадной опочивальни были предметы прикладного искусства. На белых постаментах по краям балюстрады стояли две вазы синего цвета, с белым поясом и золочеными рельефами и ручками, выполненные на Севрской фарфоровой мануфактуре.

Рисунок паркета повторял основные линии потолка: центр пола был решен в виде светлого венка, вписанного в квадрат, с веерами на углах.

Парадная опочивальня. С фотографии начала XX века

Анфилада парадных комнат второго этажа

Овальный будуар императрицы Марии Федоровны

Как все помещения бельэтажа (второго этажа) Главного корпуса дворца, Парадная опочивальня сильно пострадала во время Великой Отечественной войны и была отреставрирована совсем недавно. Над лепниной зала работала лепщица Л.А. Стрижева; плафон был расписан заново группой художников под руководством Я.А. Казакова; ткань по историческому образцу изготовили во Франции на бывшей мануфактуре К. Пернона.

Парадная опочивальня соединялась с личными апартаментами Марии Федоровны – анфиладой из пяти небольших комнат, которые занимали восточную торцовую часть Главного корпуса и башню. Первым залом этой части здания является Овальный будуар – своеобразная Малая гостиная императрицы, общей площадью около 45 квадратных метров. Его стены расписаны полихромной росписью в виде гирлянд и ваз с цветами, которая появилась только к 1811 году, заменив собой более раннюю лепнину. Автором живописи был художник К. Маркграф, работавший с А.Н. Воронихиным. Лепнина оконных откосов выполнена в виде рамки, увитой плющом.

Особо выделяется декором потолочная часть с широкими распалубками и овальным медальоном в орнаменте из ветвей, подчеркивающих структуру перекрытия зала. Падуга украшена лепниной в виде аканта и рогов изобилия.

Ринальдиевский паркет, повторяющий линии потолка и дополненный завитками растительного орнамента, удивительным образом завершает общую композицию Овального будуара.

Этот зал несколько раз менял свой внешний вид. Так, в 1850-х годах его стены затянули шелком оливково-зеленого цвета. В 1923 году, обнаружив хорошо сохранившуюся под тканью роспись, решили вернуться к более раннему убранству. После войны Овальный будуар был воссоздан в виде, присущем ему после 1811 года. Реставрационные работы были завершены в 2007 году.

Из будуара можно пройти как к комнатам анфилады, так и (через другую дверь) в помещение, расположенное в башне, – Башенный кабинет императрицы Марии Федоровны. Эта небольшая комната площадью всего 11 квадратных метров размещается на втором ярусе Часовой башни, и из ее окон открывается прекрасный вид на Белое озеро с Чесменским обелиском, Дворцовый парк и Собственный сад. Стены помещения были отделаны искусственным мрамором (архитектор В. Бренна), но во второй половине XIX века, когда во дворце работал зодчий Р.И. Кузьмин, их затянули зеленым штофом. Среди декора времен Антонио Ринальди нужно отметить перекрытие с небольшим круглым куполом, с лепниной и живописью; полированные двери, инкрустированные рисунком с вазами, цветами и переплетенными побегами травы, и наличниками из искусственного розоватого мрамора; оконные откосы в виде трельяжной сетки, украшенной виноградными листьями.

Барельеф Петра I в Зеленой угловой

Башенный кабинет императрицы Марии Федоровны

Камин в Туалетной императрицы Марии Федоровны

С 1850-х годов в кабинете находятся мраморные скульптурные портреты герцога и герцогини Вюртембергских работы И.-Х. Даннекера, а центральное место занимает портрет Павла I, изготовленный на Петербургской шпалерной мануфактуре в конце XVIII века.

Вернувшись в Овальный будуар и пройдя вдоль окон, через еще одну дверь мы попадем в Туалетную императрицы Марии Федоровны – комнату площадью 25 квадратных метров, с тремя окнами, выходящими в Собственный сад. Бело-голубая гамма, горящие факелы и скрещенные ветки полураспустившихся лилий на потолке, гирлянды, венки, перевитые лентами, тирсы, букеты на карнизах, – всё это создает ощущение необыкновенной легкости и нарядности. Эффектно выглядят неповторяющиеся изображения птиц: у одной из них в лапках ветвь, другая взмывает вверх, третью явно что-то насторожило и она замерла на месте.

На панелях с богатым декором – изображения запряженных в тройку птиц, которые везут горящий жертвенник. Он символизирует всепрощающую и милосердную любовь.

Наличники из искусственного мрамора венчают наддверники (десюдепорты) в виде панно с фигурами путти.

Зал украшен барельефами, изображающими римских императоров, портретом Екатерины II в лазуритовой оправе работы М.А. Колло. До Великой Отечественной войны здесь был еще один ее портрет (автор Дж. Чибей), который в настоящее время находится в Музее-заповеднике «Царское Село».

Рисунок паркета с двумя кругами в центральной части и сложным орнаментом из растительности и стилизованных акантовых листьев воссоздан в 2007 году.

Судя по своеобразной «подписи» Ринальди сверху наддверников: две скрещенные ветки лилий, архитектор остался доволен своей работой.

Миновав небольшую комнату без окон – Проходную, мы попадаем в последнее помещение анфилады – Зеленую угловую, бывшую в XVIII веке простой передней, но при Павле Петровиче превращенную в парадный зал. Здесь, так же как и в предыдущей комнате, сохранился первоначальный декор Антонио Ринальди.

Единственное окно комнаты выходит на Парадный двор, а главным ее украшением служат три большие двери. Одна из них соединяет Зеленую угловую с предыдущей Проходной, две другие ведут в Тронную Марии Федоровны и Греческую галерею соответственно. Дверные проемы декорированы наличниками из искусственного мрамора зеленоватого цвета с золочеными профилированными тягами, которые венчают десюдепорты с рельефами воинских доспехов и оружия. На стенах барельефы монархов: Петра I – над входом в Греческую галерею, Елизаветы – на стороне Тронной, Петра II – над окном и Екатерины Великой – на северной стене в обрамлении флагов, копий и римских орлов.

Паркет зала воссоздан реставраторами по рисункам А. Ринальди.

Тронная императрицы Марии Федоровны

Как уже говорилось, Зеленая угловая комната является своеобразным переулком между Тронной императрицы и Греческой галереей, но так как галерея не восстановлена, то наше путешествие по Гатчинскому дворцу мы продолжим в Тронной Марии Федоровны. На месте этого зала при Григории Орлове располагалась Китайская комната, одна из самых изящных во дворце. Затем стены зала затянули малиновым штофом, и разместили здесь небольшую, но весьма ценную коллекцию картин западноевропейских мастеров (Берхема, Кнеллера, Миля и др.); в ней преобладали сцены из сельского быта и пейзажи. Комната получила новое название – Картинная.

Последнее превращение случилось в 1797 году, когда это помещение решено было превратить в Тронную Марии Федоровны. В связи с этим отсюда убрали почти всю мебель, за исключением большого стола, сплошь уставленного скульптурами и порфировыми вазами. На возвышении между двумя окнами, выходящими на парадный плац, обитом малиновым бархатом и увенчанном бархатным же балдахином (поэтому комнату иногда называют Балдахинной) с золотым шитьем, установили трон.

Тронная императрицы Марии Федоровны. Камин

Тронная императрицы Марии Федоровны. Трон

Тронная императрицы Марии Федоровны. Каминные часы

Квадратная в плане комната и сейчас обита малиновым штофом. Цоколь стен выделен золоченым карнизом и филенками в золотом обрамлении. Карниз с лентой пальметт и растительного орнамента оформляет переход к потолку, центральная часть которого украшена плафоном «Венчание Ариадны Бахусом», воссозданным художниками-реставраторами по эскизу С. Торелли. Тронная Марии Федоровны была открыта после реставрации в 1990 году, как и самый значительный зал дворца – Белый.

Белый зал

Белый зал – самое значительное по художественной ценности и размерам (его площадь 120 квадратных метров) из парадных дворцовых помещений предназначался для проведения балов и концертов. Так как из этого помещения были проходы в оба Тронных зала – как императора, так и императрицы, то Белый зал служил местом сбора подданных, ожидающих высочайшей аудиенции. Прямоугольное в плане помещение имеет также выходы на балкон, с которого можно было наблюдать за военными экзерциями на плацу перед дворцом. Они оформлены в виде огромных полуциркульных окон-дверей, занимающих все пространство одной из стен Белого зала. Тридцать две коринфские пилястры с каннелюрами на две трети высоты делят площадь стен на блоки, а потолком объединяются профилированным карнизом. Простенки между окнами украшены парными пилястрами, как и дверные проемы (с большим шагом) и мраморный камин в центре стены, противоположной к окнам и балкону. Эти условные колонны приподняты на довольно высокие постаменты, а в верхней части связаны широким, но без излишеств карнизом. Свободные части стен заняты разной формы панно, с рельефным обрамлением и лепниной в виде цветочных венков, гирлянд и веток.

Белый зал. Скульптурное убранство

Белый зал. Элемент декора оконных откосов

Выполненные из красноватого искусственного мрамора наличники дверей завершались пышными скульптурными композициями. Полуциркульный десюдепорт над одной из дверей выполнен в виде горельефа из снопа колосьев, травы, львиной головы, выглядывающей из зарослей, и двух лап, опирающихся на сандрик. Львиный хвост игриво выходит за раму композиции, а цветочные гирлянды свисают на углы наличника. На десюдепорте другой – два огромных омара с длинными усами выползают из буйной растительности.

На потолке – плафон кисти Г.Ф. Дуафена «Аллегория на рождение великого князя Михаила Павловича». Это живописное полотно XVIII века заменило более раннюю работу неаполитанского художника Джузеппе Бонито «Геркулес на распутье между пороком и добродетелью», утраченную в годы войны. Лепной декор на падугах зала служит прекрасным обрамлением плафона.

Особо следует отметить античные барельефы из мрамора, такие как «Жертвоприношение императора Тита» (I век н. э.), знаменитый рельеф «Путник» (конец I века н. э.), меда-

льон «Церера и Флора», и более поздние приобретения дворца – «Эней, спасающий Анхиза» Д.М. Морлайтера и Похищение Елены» Д. Маркиори. Две последние работы итальянских мастеров были подарены Екатерины II своему фавориту Орлову и впоследствии размещены с двух сторон от входа в Тронную Павла. При реконструкции дворца в конце XVIII столетия Белый зал пополнился новыми работами из мрамора итальянского мастера Т. Солари (на тему жизни Александра Македонского), фламандца Ф. Дюкенуа («Драка Амуров») и русского скульптора С.М. Тегелева («Кидиппа на колеснице»).

Особенно эффектно выделяются на фоне белой стены зала две скульптуры египтян из черного мрамора работы неизвестного мастера XVIII века.

Белый зал. Одна из египетских статуй

Подлинные античные головы Антиноя и Каракаллы установлены на постаментах по обе стороны двери в Аванзал, а бюст Афины Паллады работы итальянских мастеров XVIII столетия – между окнами. В скульптуре греческой богини использованы кроме белого каррарского мрамора оникс и мрамор черного цвета.

Из Белого зала через Проходную Ринальди мы вновь выходим в Аванзал и на Парадную лестницу. На этом наше знакомство с интерьерами Главного корпуса Большого Гатчинского дворца заканчивается. Остальные помещения ждут реставрации. Узнать, как они выглядели, нам помогут сохранившиеся рисунки авторов интерьеров и фотографии.

Чесменская галерея. Вид до пожара 1944 г.

Я.Ф. Хаккерт. Разгром турецкого флота под Чесмой. 1771 г.

Чесменская галерея. Современное состояние

Греческая галерея

Одним из самых величественных парадных залов дворца по праву считалась Чесменская галерея, созданная на месте нескольких жилых комнат архитектором Бренной. Зал площадью 112 квадратных метров занимал левый полуциркуль второго этажа. Помимо богатой лепной отделки стен и потолка его украшали три монументальных живописных полотна на тему победы русского флота при Чесме. Галерея была своеобразным памятником воинской славы России, прославлявшим мощь военно-морского флота, героизм и отвагу русских моряков.

Гюбер Роббер. Античные руины

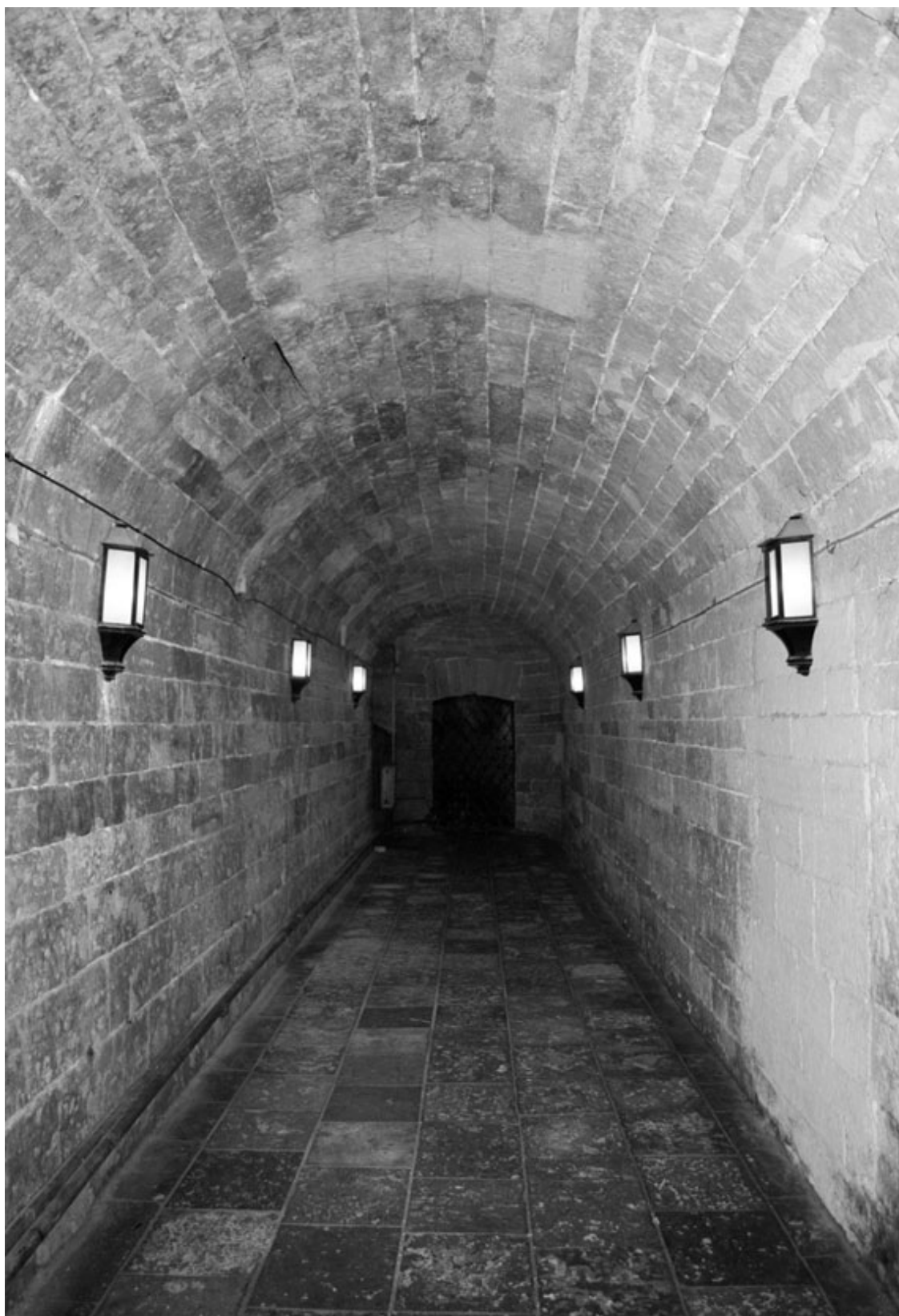
Картины размером более чем 2 на 3 метра были копиями, специально сделанными немецким художником Якобом Филиппом Хаккертом со своих же полотен, созданных для Чесменского зала в Петергофе.

Полотна были связаны между собой в общую композицию: одно было размещено в центре стены, обращенной в парк, два других – на противоположной выгнутой стене. Их

разделял камин из красного мрамора с золочеными бронзовыми статуэтками по краям. Пространство над камином занимало большое зеркало в богатой раме, увенчанной золоченым горельефом орла. Установка зеркала здесь не была случайной – таким образом Бренна решил проблему дополнительного освещения простенка между оконных проемов, занятого картиной. Отраженный от зеркала свет выравнивал освещенность потолка и усиливал краски живописи. Более того, с определенного угла зала можно было наблюдать все три картины вместе, и одна из них отражалась в зеркале над камином.

Главный корпус. Лестница в подвал

Главный корпус. Подвальные помещения

Среди убранства зала выделялся разнообразный декор военного содержания – античное и восточное оружие, древнеримские щиты и мечи, колчаны со стрелами, копья, кинжалы. Здесь же львиные головы и палицы Геркулеса – обязательные атрибуты военных побед древности. Многие рельефы и лепка были позолочены, по этой причине галерея имела второе название – Золотая.

Замыкала ряд помещений западного полуциркуля Овальная гостиная, получившая такое название из-за своей формы. В отличие от триумфальной Чесменской галереи, декор гостиной был выдержан в спокойных тонах. Ее стены украшали пейзажи художника С. Щедрина и виды парков, выполненные по эскизам Бренны. Цветочно-растительный декор стен удачно сочетался с композицией потолка, состоящей из стилизованного аканта, гирлянд роз и зеленых решетчатых трельяжей – главного атрибута садов и парков XVIII столетия. Позолоченные карнизы, обрамления и рельефы придавали залу парадный вид. Паркет комнаты имел строгий геометрический рисунок с большим квадратом в центре. В отделке стен Овальной гостиной в большом количестве использовалось дерево, поэтому во время пожара 1944 года ее уникальная отделка была полностью уничтожена огнем.

На противоположном полуциркуле размещалась Греческая галерея, названная так из-за соответствующего античного скульптурного убранства, рельефов и картин работы Гюбера Роббера – французского живописца, мастера романтических пейзажей с античными руинами. Из галереи можно было попасть в небольшую прямоугольную комнату, стены которой украшали портреты придворных дам и кавалеров кисти П. Ротари, – так называемый Кабинет Ротари.

Среди залов каре также было несколько с интересной отделкой. В Арсенальном каре – это Арсенальный зал и Готическая галерея на первом этаже, Китайская галерея – на третьем и Мраморная лестница. Антресольный этаж Арсенального каре занимали личные комнаты Александра III и членов его семьи. В противоположном, Кухонном каре основной интерес представляет церковь с сохранившимися интерьерами середины XIX столетия. Она действующая, хотя реставрационные работы еще продолжаются. В полностью отремонтированном подцерковном помещении, которое носит название крипта, выставлены работы современных художников.

Глава 5

Гатчинский парк

Дворцовый парк Гатчины входит в систему парков города наряду с Сильвией, Зверинцем и Приоратом, которые вместе образуют систему зон отдыха, созданных мастерами садово-паркового искусства вокруг рек Гатчинки и Колпанки, а также озер – как природных, так и искусственных. Ландшафт и природное расположение рек во многом определили структуру Дворцового парка, а рельеф местности стал отправной точкой для размещения построек дворцово-паркового ансамбля. Да и сам парк, местами упорядоченный, а кое-где свободный в своей планировке, органично вобрал в себя не только природные компоненты в виде островков, аллей, холмов, запруд и проливов, но и искусственные сооружения – мосты, павильоны и ворота. Соотношение территории парка с руслами рек предопределило и его форму – вытянутую в сторону парка Зверинец, с нисходящими ярусами по течению, и позволило соорудить несколько террас и смотровых площадок на возвышенностях и у ворот. Отличие Дворцового парка в Гатчине от похожих объектов в других пригородах Санкт-Петербурга в обилие водного пространства, которое занимает более 36 гектаров от общей площади парка в 143 гектара. Озера, протоки и запруды Дворцового парка расположены так, что являются центральными объектами парковой территории, относительно которых и шло формирование зеленого массива.

Дворцовый парк. Белое озеро

Парк создавался поэтапно, причем два периода формирования комплекса зеленых насаждений следует выделить особо. Речь идет о времени, когда над обустройством парка работали Ринальди и садовые мастера той эпохи (1766–1780 гг.), и времени реконструкции дворца и парка Винченцо Бренной (1783–1800 гг.), не просто удачно дополнившего создан-

ное его предшественником, но и органично вписавшего свои нововведения в садово-парковый ансамбль.

Планировка Дворцового парка подчиняется двухосевому принципу, где короткая ось пролегает по центру дворца по направлению на север, через Белое озеро к павильону Венеры, заканчиваясь у Березовых ворот; а вторая, длинная, начинаясь у Адмиралтейских ворот, пролегает на запад и теряется в бескрайних просторах Зверинца, разговор о котором у нас еще впереди. Соответственно этим направлениям были созданы системы дорожек в парке, дополненные различными аллеями и мостиками, дающими возможность в полной мере насладиться возникающими перед глазами посетителей пейзажами и архитектурными памятниками, ощутить всю красоту Гатчинского парка, усиленную доминантами знаменитых башен Большого дворца.

Мы пройдемся по парку и познакомимся с основными постройками, природными объектами и сооружениями, многие из которых уникальны и не имеют аналогов в дворцово-парковых ансамблях Санкт-Петербурга.

Дворцовый парк. Мост

Дворцовый парк состоит из нескольких регулярных ландшафтных территорий, а в его основе лежит Английский сад с центром в виде Белого и Серебряного озер. У стен дворца находятся Собственный сад, далее на одной оси с ними находятся Нижний и Верхний Голландские сады, а в удалении от стен замка были разбиты Липовый сад, Нижний и Верхний Ботанические сады, сад Ботанической горки, Лесной лабиринт, садик на острове Любви и Водный лабиринт.

Как мы уже отмечали, Английский сад является главным ландшафтным сооружением Дворцового парка как по значимости, так и по территории. В центре сада расположено искусственное Белое озеро, площадью 32 гектара и общей длиной береговой линии более 10 километров. Озеро является самостоятельной частью садовой территории и связано с другим водным объектом уже природного происхождения – Серебряным озером. Его длина

более 250 метров, ширина достигает 60, а глубина – 14 метров. Свое название этот водный объект получил за серебристое свечение воды. Второе название озера – Изумрудное, и связано оно с необычным зеленым цветом воды. У озера есть одна особенность – его можно увидеть только со стороны дворца. Рядом с Серебряным озером, далее вдоль озера Белого, вытянулась водная гладь Карпина пруда, второго искусственного водоема Дворцового парка. Как видно из названия, в пруду, который образовался на месте выемки грунта для насыпи валов Голландских садов, разводили карпов, которых на кормежку подзывали, звоня в колокольчик. Пруд дал название нескольким постройкам Гатчинского парка, о которых мы узнаем чуть позже.

Собственный сад

Цепь искусственных островов, начинающихся в районе террасы-пристани, связаны между собой разного типа мостиками и имеет общее название – Длинный остров, который упирается в тонкую часть другого острова – Захарова, а уже за ним расположен остров Топкий. С правой стороны с острова Пихтовый начинается цепочка небольших островков: Лебязжий, Еловый, Сосновой, Вороний, Плавучий и Березовый. Их названия связаны либо с преобладанием той или иной растительности, либо с местами гнездования птиц.

На противоположном от островов берегу Белого озера, за Длинным островом, находится начинающаяся у Карпина пруда самостоятельная часть Дворцового парка, связанная системой аллей. Участок сада, выходящий на Серебряное озеро, имеет название Придворцового и имеет вид луга, нисходящего в сторону воды. Он засажен могучими дубами, а общую композицию Придворцового участка завершают архитектурные сооружения малых форм – грот «Эхо», Восьмигранный колодец и Плоский мост.

Собственный сад. Скульптура. Фото 1930-х гг.

Вдоль берега протянулась одна из трех главных аллей этой части – Генеральная (Старая). От угловой башни Кухонного каре проложена Средняя аллея, завершающаяся у Амфитеатра, колонны Орла и Сильвийских ворот. Постовая аллея является третьим лучом, она начинается также у Кухонного каре, огибает Оранжерейный пруд, за колонной Орла переходит в Среднюю аллею, завершаясь на границы парка Сильвия. У Малого каменного моста все три главные аллеи левобережной части Английского сада пересекаются, Генеральная продолжается далее в парк Зверинец, а Средняя, как мы уже говорили, – к воротам.

В западной части Дворцового парка находится несколько регулярных садов, знакомство с которыми мы начнем с Собственного сада, обязательной части любой императорской резиденции. В Гатчине этот садово-парковый объект примыкает к личным апартаментам Павла на первом этаже Большого дворца и расположен на искусственной площадке прямо за Арсенальным (Конюшенным) каре, усиленной опорной стенкой, облицованной пудостским камнем. Балюстрада из этого же материала проходит со стороны Серебряного озера, словно очерчивает превосходное место для обзора Дворцового парка. Над парапетом подпорной стены устроена кованая решетка, примыкающая как к башне каре, так и к Часовой башне Главного корпуса.

В 1794–1797 годах архитектор Бренна работал над строго симметричной планировкой и убранством Собственного сада, площадь которого более 500 квадратных метров.

Со стороны парка в Собственный сад можно попасть либо со стороны Верхнего Голландского сада через большие чугунные ворота либо через ворота у Часовой башни, пройти к которым можно по пандусу вдоль подпорной стены. Третий вход, а вернее, выход в сад, расположен в самом Дворце. В 1792 году в стене Башенного кабинета пробивается дверь на террасу (сооружена в том же году), с которой в сад ведут две сходящиеся в одну площадку лестницы. Выход с лестницы в сад украшен двумя выполненными из пудостского камня скульптурами Сфинксов, которые появились здесь при Павле I в конце XVIII века. Известен точный год изготовления пьедесталов из того же камня – 1794. Скульптурное убранство Собственного сада формировалось на протяжении нескольких лет, когда Гатчина перешла во владение к наследнику престола и там началась реконструкция дворца и парка. Скульптура, главным образом из мрамора, поступала в Гатчину разными путями: часть забиралась из других императорских резиденций, часть закупалась или изготовлялась.

Собственный сад очень пострадал во время Великой Отечественной, и хотя скульптурное убранство успели вывезти, но его территория потребовала больших восстановительных работ и сразу после окончания войны началась реконструкция.

Центром садовой территории служит большая круглая клумба, от которой отходит десять дорожек-аллей, отмеченных скульптурами, вырубленными из каррарского мрамора. В центре клумбы возвышается статуя Флоры работы итальянского мастера XVIII столетия Фабио Медико, выполненная в стиле рококо. Как она попала в Гатчину – неизвестно, но сохранилась запись, датированная 1797 годом, из которой следует, что «Февраля 13-го повелено по требованию архитектора Бренна и графа Шуазеля Гуфье отпускать из Царскосельского дворца статуи, бюсты, колонны и прочие такого рода мраморные и другие каменные и бронзовые вещи, куда они потребны окажутся». А по архивным документам известно, что среди скульптур Царского Села времен правления Екатерины II значилось несколько под названием «Флора». Вокруг клумбы, предваряя отходящие от нее лучи садовых дорожек, размещены гермы высотой более двух метров. Шесть из них – погрудные изображения молодых и старых вакханок, двух сатиров и скульптуры двух императоров Рима. Историками архитектуры отмечено, что в нашей стране гермы – явление довольно редкое и те, что украшают Собственный сад в Гатчине, являются настоящей жемчужиной среди небольших скульптурных ансамблей парков России. Появление герм в Гатчине обычно связывают с поездкой великого князя с супругой по Европе в 1781–1782 годах, но документов, подтверждающих приобретение им этих скульптур, до сих пор не обнаружено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.